

РУССКОЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартевымъ

(БЫВШИМЪ БИБЛИОТЕКАРЕМЪ ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛИОТЕКИ).

Къ отшедшимъ дѣтелямъ Исторіи слѣдуетъ относиться съ тѣмъ же чувствомъ, какое испытываешь при входѣ въ комнату, гдѣ лежитъ покойникъ.

(Слова Т. И. Грановскаго)

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

ТЕТРАДЬ ПЯТАЯ.

МОСКВА.

1874.

(Содержаніе см. на оборотѣ)

ОЧЕРКЪ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ГОРЯ ОТЪ УМА.

Въ настоящемъ году минетъ полвѣка съ той поры, какъ окончено было Грибоѣдовымъ его славное *Горя отъ ума*. Навѣки врѣзались въ народной памяти могучіе удары безпощадной сатиры, заклеившей стародавнѣ общественные пороки наши; чуднымъ и смѣлымъ рѣзцомъ изваянные характеры комедіи вошли въ кругъ лучшихъ художественныхъ созданій русскаго ума, а живой народный языкъ принялъ въ свою сокровищницу десятки меткихъ выраженій и оборотовъ, перешедшихъ въ поговорки. Но рядомъ съ этимъ невольнымъ выраженіемъ удивленія красотамъ комедіи напрасно станемъ мы искать слѣдовъ серьезнаго ея изученія со стороны эстетической, изученія ея исторіи и отношенія къ современной ей жизни. У насъ нѣтъ до сихъ поръ ея толковаго изданія, обставленнаго комментаріями; біографіи автора часто ограничиваются передачей давно извѣстныхъ фактовъ изъ литературнаго адресъ-календаря, принимая и появленіе *Горя отъ ума*, и желчное остроуміе автора, и направленіе его сатиры за рядъ фактовъ безъ прошлаго, фактовъ точныхъ, не нуждающихся въ объясненіи. Въ то время, какъ мельчайшія частности жизни Пушкина или Лермонтова подвергаются подробному изслѣдованію, нравственная личность одного изъ величайшихъ нашихъ сатириковъ остается непонятою, и многія важнѣйшія черты его жизни загадочными.

По меткому выраженію Пушкина ¹⁾, „люди вѣрятъ только славѣ и не понимаютъ, что между ними можетъ находиться какойнибудь Наполеонъ, не предводительствовавшій ни одной егерской ротой или другой Декартъ, не напечатавшій ни одной строчки въ Московскомъ Телеграфѣ.“ Въ этихъ словахъ живая характеристика всей судьбы Грибоѣдова; въ нихъ и объясненіе того равнодушія къ памя-

ти писателя, которое умѣетъ уживаться съ поклоненіемъ его важнѣйшему произведенію. Появленіе *Горя отъ ума* впервые раскрыло всѣмъ глаза и показало обществу, какую силу и самостоятельность мысли оно игнорировало такъ долго, какимъ талантомъ пренебрегало. Встрѣчая въ свѣтскихъ гостинныхъ или на шумныхъ литературныхъ сходкахъ молодого человѣка съ глубокими, страстными, выразительными глазами, жаждущими широкой и вольной жизни, съ однимъ изъ тѣхъ лицъ, которыя никогда не забываются и носятъ на себѣ слѣды глубокихъ думъ (современники свидѣтельствуютъ, что ни одинъ портретъ Грибоѣдова не передаетъ того особаго выраженія его фizioноміи, которое и составляло его неотразимую привлекательность), слыша его остроумныя, рѣзкія выходки или вида его задумавшимся среди оживленнаго бала, впорывшимъ глаза вдаль и совершенно чуждымъ всему происходившему вокругъ ²⁾, современники смотрѣли на него или какъ на одного изъ многихъ тогда разочарованныхъ юношей, отцвѣтшихъ душою безъ малаго въ шестнадцать лѣтъ и щеголяющихъ пресыщенностью, или рѣшали, что у него озлобленный умъ и сторонились отъ него, какъ отъ зачумленнаго. „Нѣсколько друзей знали ему цѣну, говорить Пушкинъ, и видѣли улыбку недовѣрчивости, эту глушую, несносную улыбку, когда случалось имъ говорить о человѣкѣ необыкновенномъ.“ Они одни знали, какая это была рѣдкая, прямая и правдивая натура, составившая себѣ высокій жизненный идеалъ, всегда стремившаяся къ нему и съ презрѣніемъ

²⁾ Въ рукописныхъ матеріалахъ г. Смирнова, о которыхъ подробнѣе скажемъ ниже, есть характеристическій разсказъ изъ воспоминаній сестры Грибоѣдова, Марьи Сергѣевны. «Разъ, на одномъ большомъ балѣ, говорила она, я смотрю, Александръ, когда только что кончился вальсъ, стоитъ посреди залы одинъ одинехонекъ и прегрустный, презадумчивый. Я къ нему подбѣжала. «Александръ, что съ тобой? Онъ поднималъ голову, посмотрѣлъ на меня пристально и не болѣе какъ черезъ минуту отвѣчалъ серьезно: «стою и размышляю, отчего это я не умѣю такъ вальсировать, какъ Офр-вы... Эти Офр-вы были пустѣйшіе молодые люди.

¹⁾ Сочин. Пушкина. изд. Анненк. т. 5, стр. 76.

отметавшая все, что тормозило его существование. „Кровь сердца всегда играла у него въ лицѣ, говоритъ А. Бестужевъ въ своемъ воспоминаніи о немъ ³⁾; никто не похвалится его лестью, никто не дерзнетъ сказать, будто слышалъ отъ него неправду. Онъ могъ самъ обманываться, но обманывать другихъ,—никогда. Твердость, съ которой онъ обличалъ порочныя привычки лица, несмотря на знатность особы, показала-бы инымъ Катоновской суровостью, даже дерзостью.“

Непонятая и поздно оцѣненная, благородная личность Грибоѣдова пронеслась свѣтлою тѣнью по нашему литературному горизонту. Не мѣсто ей было въ душевой атмосферѣ русскаго общества послѣднихъ лѣтъ александровскаго царствованія. Кавказъ, Грузія, дикая Персія являлись желаннымъ убѣжищемъ, гдѣ можно было укрыться отъ міра низкопоклонства, ханжества и казнокрадства, и собраться съ мыслями. Позднее и, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, преувеличенное поклоненіе, рабское лизаніе пяты, которое подъ конецъ смѣнилось у недавнихъ враговъ преждее равнодушіе и холодность, уже не радовало его. Письма его дышатъ живымъ негодованіемъ, съ которымъ онъ сбрасываетъ съ себя эти корыстныя хвалы, трепеща отъ нравственной брезгливости, словно отъ прикосновенія отталкивающаго, пресмыкающагося животнаго.

Съ тѣхъ поръ прошло полвѣка. Круговоротъ историческихъ судебъ снова можетъ воскресить ту, казалось, отжившую пору, которая создавала Магницкихъ и Руничей, которая дала литературѣ безсмертныя типы Скалозубовъ, Молчалиныхъ и Загорѣцкихъ. Въ такое время, когда, по выраженію древняго поэта, становится трудно *не писать сатиры*, на насъ освѣжающимъ образомъ можетъ подействовать мысленное обращеніе къ жизни и дѣятельности неустрашимаго борца противъ застоя. Такимъ образомъ и долгъ относитель-

но памяти писателя, чей полувѣковой юбилей мы нынѣ вправѣ праздновать, и сама подсказывающаяся связь его главнѣйшаго труда съ злобой дня оправдаютъ мое намѣреніе собрать здѣсь нѣсколько данныхъ, освѣщающихъ исторію зарожденія и развитія лучшаго Грибоѣдовскаго созданія. Для этого очерка *исторіи* Горя отъ ума мы пользовались, кромѣ печатныхъ источниковъ и разсказовъ, переданныхъ намъ современниками Грибоѣдова, весьма цѣннымъ пособіемъ рукописнаго сборника матеріаловъ (хранящагося въ библиотекѣ московскаго Общества Любителей Россійской Словесности), составленнаго покойнымъ родственникомъ и искреннимъ поклонникомъ Грибоѣдова, г. Смирновымъ, поставившимъ цѣлью всей своей немногосложной литературной дѣятельности собраніе всевозможныхъ данныхъ для біографіи любимаго имъ писателя ⁴⁾.

I.

„Первоначальная мысль какой-либо сатиры, если не на все русское общество своего времени, то на московское общество, со всѣмъ, что въ немъ было суетнаго и законсѣлаго (говоритъ г. Смирновъ) эта мысль явилась у Грибоѣдова еще въ 1816 году“.—Это показаніе основано на свидѣтельствѣ Бѣгичева, ближайшаго друга нашего писателя, что въ Петербургѣ въ 1816 г. даже написано было нѣсколько сценъ, что затѣмъ въ Персіи или Грузіи планъ этотъ Грибоѣдовъ во многомъ измѣнилъ и уничтожилъ нѣкоторыя дѣйствующія лица, между прочимъ жену Фамусова, сентиментальную модницу и аристократку московскую.

Несмотря на важный авторитетъ Бѣгичева въ подобномъ вопросѣ, мы отдадимъ предпочтеніе другому свидѣтельству, идущему отъ одного университетскаго товарища Грибоѣдова ⁵⁾, вспоминающаго, какъ однажды, еще

³⁾ Отечествен. Записки 1860. Октябрь. «Знакомство Бестужева съ Грибоѣдовымъ».

⁴⁾ Имъ были изданы черновыя тетради Грибоѣдова въ Русскомъ Словѣ 1859 г., №№ 4 и 5 и статья «Біографич. извѣстія о Гриб.» въ Вѣсѣдахъ Общ. Люб. Словесн., вып. II, 1868.

⁵⁾ См. Замѣтки о Грибоѣд. Л. Майкова въ сбор-

въ 1812 году, Грибоѣдовъ прочелъ ему и своему воспитателю Ionу отрывки изъ написанной имъ комедіи, носившей уже названіе Горя отъ ума.—И такъ не юношей двадцатишести лѣтъ, но несравненно раньше ⁶⁾ задумалъ поэтъ свою злую сатиру. Мысль о ней зародилась у него въ тѣ годы душевной безмятежности, когда такъ часто умъ еще не работаетъ самостоятельно и всѣ силы духа скованы сномъ, „когда все мягко такъ, и нѣжно, и незрѣло“. Были-ли сцены, читанныя Грибоѣдовымъ-студентомъ товарищу, дѣйствительно первообразомъ Горя отъ ума или-же набросками оконченной вскорѣ по выходѣ изъ университета комедіи *Студентъ*, обнаруживающей также желаніе выставить пустоту и отсталость общества, остается конечно, за отдаленностью поры, неразъяснимымъ. Важенъ фактъ ранняго протеста, важны причины, его вызывавшія.

Семья Грибоѣдовыхъ любила тянуться за старой аристократіей, свято хранила родовыя и общественныя традиціи; но новое время и его требованія незамѣтно коснулись и ея и вынуждали на частыя уступки и послабленія новымъ идеямъ. Мать Грибоѣдова, на которой, вслѣдствіе безучастности ея мужа въ семейныхъ дѣлахъ, лежала вся забота о воспитаніи дѣтей, старалась сдѣлать его по преимуществу домашнимъ, но обставила его избранными силами, поручая главный надзоръ педагогамъ - иностранцамъ. Первымъ изъ нихъ былъ Петрозиліусъ, человѣкъ чрезвычайно ученый, впоследствии извѣстный из-

даніемъ перваго обстоятельнаго каталога московской университетской бібліотеки (М. 1831—1836). Онъ готовъ былъ привить своему воспитаннику серьезное отношеніе къ знанію и отнестись къ принятому на себя дѣлу добросовѣстно. Но, насколько можно догадываться, онъ не могъ стрѣшиться отъ извѣстной доли педантизма, который отшатнулъ отъ него живой и пытливый умъ его молодого воспитанника. Врядъ-ли не его имѣлъ въ виду Грибоѣдовъ въ неизданномъ первоначальномъ видѣ одной выходки Чацкаго, въ концѣ седьмаго явленія перваго дѣйствія Горя отъ ума:

Я не могу забыть, учительскій халатъ,
Перстъ указательный, сіяніе гуменца
Какъ наши робкіе тревожили умы;
Какъ съ раннихъ лѣтъ привыкли вѣрить мы
Что ничего нѣтъ выше нѣнца!

Научныя занятія пошли еще болѣе систематическимъ путемъ съ тѣхъ поръ, какъ Петрозиліуса замѣнилъ случайно встрѣтившійся гувернеръ, Богданъ Ивановичъ Ionъ, которому суждено было сдѣлаться не только руководителемъ воспитанія Грибоѣдова, но и близкимъ другомъ и совѣтникомъ его, одною изъ тѣхъ добродушныхъ старческихъ голубовъ, которыя такъ симпатично вырѣзываются иногда въ смутной картинѣ воспоминаній о раннемъ дѣтствѣ и которыя потомъ неразлучны со всѣми хорошими днями жизни. Когда судьба ни приводила Грибоѣдова снова въ родную обстановку, одною изъ первыхъ заботъ его бывало отыскать Ionа; старикъ въ свою очередь сильно тосковалъ, что не могъ повидать своего питомца, когда, замѣшанный въ дѣло 14-го Декабря, онъ проѣзжалъ подъ конвоемъ черезъ Москву и выказывать привязанность къ нему могло быть небезопасно; наконецъ, когда Грибоѣдова уже не стало, старикъ-гувернеръ любилъ сходиться съ другомъ покойнаго, С. Бѣгичевымъ и вспоминать съ нимъ о Грибоѣдовѣ и о добрыхъ старыхъ дняхъ. Въ тѣ минуты, говорить очевидецъ, слезы видѣлись на глазахъ обоихъ собесѣдниковъ.

никъ, издан. студент. Петерб. универс. 1860, вып. II. стр. 236.

⁶⁾ Относительно времени рожденія Грибоѣдова существуютъ разнообразныя показанія. Г. Лонгиновъ (Современн. 1857, Библиограф. Записки: Первые печати. опыты Гр.) говоритъ, что онъ родился въ 1795 г. 5-го Января. Г. Гербель дѣлаетъ его почему-то на день старше. Матеріалы для біогра. Грив. (при изданіи Серчевскаго) называютъ 1794 г. Наиболее вѣрнымъ является показаніе формулярнаго списка Грибоѣд. (напечатан. г. Ефремовымъ въ Р. Арх. 1872, № 7 и 8), составленнаго въ 1829 г. и показывающее ему 39 лѣтъ (слѣдов. родился въ 1790 г.).

Грибоѣдовъ, какъ замѣтилъ уже его біографъ, не учился „чему-нибудь и какъ-нибудь“. Рано приобрѣлъ онъ знаніе нѣсколькихъ иностранныхъ языковъ, открывшее ему богатая литературы Запада, рано привыкъ къ усидчивому труду, къ обстоятельному изслѣдованію мельчайшихъ подробностей чисто-научныхъ вопросовъ, поражающему въ его записныхъ и черновыхъ тетрадяхъ (въ особенности въ рубригѣ *Desiderata* ⁷⁾), рисующихъ вообще его съ совершенно иной стороны, какъ человѣка, въ которомъ былъ матеріалъ для замѣчательнаго ученаго. Тогда-же началось и изученіе музыки, шедшее до такой степени подъ стать къ характеру всего образованія. Оно не было вызвано модой и падало на благодатную почву; фортепiano было не орудіемъ пытки, а средствомъ достиженія поэтическихъ наслажденій, товарищемъ многихъ мечтательныхъ часовъ. О немъ впоследствии вздыхаетъ заброшенный въ Грузію Грибоѣдовъ, къ нему кидается, лишь только снова (хотя бы при тревожнѣйшихъ обстоятельствахъ) возвращается на родину. Увлекаясь въ безконечныя импровизаціи, онъ забывалъ весь міръ и не отрывался отъ инструмента по цѣлымъ днямъ ⁸⁾. Тонкая, впечатлительная, артистическая натура складывалась у молодого человѣка.

Иону пришлось руководить воспитаніемъ Грибоѣдова уже съ опредѣленной цѣлью. Настасья Ѳеодоровна Грибоѣдова рѣшила дать сыну и университетское образованіе или, выражаясь точнѣе, дать ему возможность прослушать нѣсколько отдѣльныхъ курсовъ у

⁷⁾ Напечатаны въ Русск. Словѣ, 1859 г., Май стр. 47—55.

⁸⁾ Впоследствии, связи съ кружкомъ молодыхъ русскихъ музыкантовъ, дружба съ Алябьевымъ, Верстовскимъ, княземъ Одоевскимъ, занятія съ извѣстнымъ петербургскимъ профессоромъ гармоніи—Іоанномъ Миллеромъ придали первоначальной любви къ музыкѣ прочную основу, раскрывъ передъ молодымъ дилетантомъ тайны музыкальной науки. «Провелъ цѣлый день съ Грибоѣд., пишетъ въ своихъ запискахъ М. И. Глинка (Русск. Старина 1870, 2 изд., 352); онъ былъ очень хорошей музыкантъ, а Глинка не былъ особенно щедръ въ раздачѣ такихъ вѣнчиковъ.

лучшихъ профессоровъ того времени, и потомъ, на основаніи полученныхъ такимъ образомъ свѣдѣній, дополняющихъ домашнее образованіе, получить для сына степень кандидата, дать ему положеніе въ свѣтѣ и облегчить первый шагъ на службѣ. Въ этомъ отношеніи заботливая мать семейства поступала совершенно въ духѣ окружавшей ее среды: университеты являлись уже тогда въ глазахъ многихъ средствомъ для устройства первоначальной судьбы молодого дворянскаго поколѣнія; все подгонялось къ держанію кандидатскаго экзамена, что тотчасъ-же давало класный чинъ и извѣстную рекомендацію на службѣ. Это уже составляло шагъ впередъ сравнительно съ зачисленіемъ молодыхъ баричей на службу по архиву или по Кремлевской экспедиціи, порождавшимъ ту толпу „архивныхъ юношей“, которыхъ воспѣлъ еще Пушкинъ и изъ которыхъ такъ легко формировались гг. N., D. e tutti quanti. Въ отношеніи Грибоѣдова были, разумѣется, приняты извѣстныя предосторожности; его не хотѣли смѣшивать съ плебеями и затирать въ ряды обыкновеннаго студенчества; его опредѣлили вольнымъ слушателемъ, выдержали въ университетѣ менѣе обыкновеннаго и, какъ это было тогда принято въ бонтонныхъ домахъ (слѣды этого обычая можно было подмѣтить въ Москвѣ даже весьма недавно) посылали его въ университетъ въ сопровожденіи гувернера, и Іонъ каждый день совершалъ неблизкое путешествіе изъ-подъ Новинскаго въ университетъ, сопутствуя своему воспитаннику и оберегая его отъ всякихъ соблазновъ. Въ выборѣ факультета также поступили довольно своеобразно и много не затруднялись. Іонъ былъ докторомъ правъ; при естественномъ вліяніи его на умъ ученика конечно могло зарониться въ него нѣсколько болѣе интереса къ юридическимъ наукамъ; но ни особаго расположенія къ изученію права, ни видовъ на карьеру на юридическомъ поприщѣ ни тогда, ни впоследствии у него не было. Мать, вѣроятно, сама остановилась на выборѣ этико-политическаго отдѣленія. Но, хотя одинъ изъ товарищей Грибо-

ѣдова по университету, И. И. Давыдовъ ⁹⁾, утверждаетъ, что только студенты философскаго факультета пользовались въ ту пору правомъ свободно посѣщать лекціи профессоровъ всѣхъ прочихъ факультетовъ, льгота эта была повидимому всеобщей; по крайней мѣрѣ нужно допустить, что она предоставлена была вольнымъ слушателямъ, что дало Грибоѣдову возможность посѣщать по усмотрѣнію лекціи лучшихъ тогдашнихъ представителей литературной и философской школы наравнѣ съ чтеніями теоретиковъ-юристовъ.

Такимъ образомъ, хотя и изъ чисто внѣшнихъ, эгоистическихъ побужденій, думая больше о будущей карьерѣ, чѣмъ объ развитіи ума юноши, семья поставила Грибоѣдова на ту дорогу, которая должна была прежде всего повліять на его эмансипацію отъ идей окружающей его среды. Смутныя стремленія къ чему-то лучшему, незамѣтно закраившія въ его пробуждавшееся сознание, получали отнынѣ болѣе опредѣленный характеръ, и возбужденный уже интересъ къ знанію пріобрѣталъ больше простору. Московскій университетъ въ 1810-12 годахъ, когда его посѣщалъ Грибоѣдовъ ¹⁰⁾, былъ въ положеніи переходномъ. Традиціи предшествовавшаго періода встрѣчались въ немъ съ признаками новаго научнаго направленія; изъ-за пріемовъ и ученій восемнадцатаго вѣка проглядывало какое-то желаніе поискать новыхъ путей въ наукѣ; въ персоналѣ профессоровъ встрѣчались многочисленные иностранцы съ новыми мѣстными учеными, все еще (какъ и въ прошломъ вѣкѣ) выходившими преимущественно изъ семинарской среды, и латинскія или французскія лекціи первыхъ составляли рѣзкій контрастъ съ живымъ и краснорѣчивымъ русскимъ словомъ Мерзлякова и его подражате-

лей. Изъ этого положенія университета на рубежѣ двухъ періодовъ, въ преддверіи разцвѣта философскаго направленія тридцатыхъ годовъ, вовсе не слѣдуетъ, чтобъ въ немъ царствовалъ застой или неясность, спутанность научныхъ цѣлей. Ветераны западной науки просвѣтительнаго вѣка, храня преданія дѣятельной пропаганды просвѣщенія, продолжали и въ русской обстановкѣ распространеніе новѣйшихъ результатовъ знанія. Имъ во многомъ подражали представители молодого поколѣнія профессоровъ. Общеніе преподавателя съ слушателями во имя науки было не рѣдкостью, а общимъ правиломъ. Объ этомъ единогласно свидѣлствуютъ всѣ современники. Такъ одинъ изъ профессоровъ Грибоѣдова, М. М. Снегиревъ, читавшій исторію философіи, личность прекрасная, простодушная, истинно-религіозная, по словамъ его біографа, былъ „снисходителенъ и привѣтливъ къ ученикамъ, которыхъ почиталъ друзьями; домъ его былъ открытъ для юныхъ друзей его“. Профессоръ Страховъ любилъ еще болѣе входить въ жизнь студенческую и, большой любитель театра, руководилъ обыкновенно студенческими спектаклями. Здѣсь въ Грибоѣдовѣ могла легко зародиться та, часто переходившая въ энтузіазмъ, любовь къ театру, которая служила характеристической чертой его вкуса во весь его юношескій періодъ и рано направила его литературную дѣятельность къ любимой формѣ комедіи. По словамъ И. И. Давыдова, „воскресные и праздничные дни студенты проводили лѣтомъ за городомъ, зимою въ домашнихъ концертахъ, а зимнюю вакацію въ домашнемъ театрѣ“. Среди этого тѣснаго общенія студентовъ между собою и съ профессорами, и постоянной готовности послѣднихъ помогать молодежи всѣмъ, что было въ ихъ средствахъ, рельефно выдвигалась личность Юганна Теофила Буле (Buhle), какъ кажется, превосходившаго и познаніями прочихъ своихъ сотоварищей. Онъ перенесъ къ намъ свою дѣятельность, имѣя уже за собой ученую репутацію на Западѣ и опытъ профессуры въ Геттингенѣ; въ

⁹⁾ Біографическій Словарь профессор. Московск. университет. 1855, I, 278—79.

¹⁰⁾ Официальныхъ свѣдѣній о пребываніи Грибоѣдова въ университетѣ, къ сожалѣнію, не сохранилось, такъ какъ въ 1812 году значительная часть университетскихъ актовъ и въ особенности текущихъ бумагъ подверглась уничтоженію.

сонной помѣщицей Москвѣ онъ остался тѣмъ-же разностороннимъ, неутомимо-дѣятельнымъ поклонникомъ науки. Хотя литературныя его работы становятся здѣсь все рѣже, но взамѣнъ того педагогическая дѣятельность и пропаганда знанія въ самомъ обществѣ получаютъ широкое развитіе. Онъ читаетъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ публичныя лекціи исторіи, археологіи и исторіи искусства, задумываетъ изданіе Журнала изящныхъ искусствъ (1807), издаетъ Московскія ученныя вѣдомости, читаетъ курсы философіи и изучаетъ въ свободныя часы прошлое Россіи, давшей ему у себя пріютъ. Гурьбой стекались всѣ студенты не только на обычныя чтенія Буле, но и на частныя курсы устраиваемыя имъ на Нѣмецкій ладъ у себя на дому, гдѣ отдѣльные вопросы философіи, эстетики или исторіи, — трехъ наукъ, которыми онъ предпочтительно занимался, подвергались подробному и серьезному изученію.

Если студенческій кружокъ въ тѣ годы, которые Грибоѣдовъ провелъ въ университетѣ, не оказалъ на него особенно живительнаго вліянія (изъ называемыхъ Давыдовымъ общихъ ихъ товарищей, Альфонскаго, Прянишникова, С. Нечаева, Смирнаго и т. д., ни одинъ, сколько извѣстно, не былъ даже въ болѣе или менѣе дружескихъ отношеніяхъ съ Грибоѣдовымъ), то слѣды вліянія профессоровъ долго сказываются у него. Любовь къ изученію русской исторіи пріобрѣтена была именно въ это время; знакомство съ молодою тогда политической экономіей и статистикой, которую читалъ Шлецеръ, сказывается даже въ позднѣйшіе годы на заботахъ Грибоѣдова, находившагося на Кавказѣ, о составленіи статистическихъ таблицъ и описаніи страны въ статистическомъ отношеніи. Но всего болѣе вліянія возымѣлъ на него Буле, къ которому онъ привязался всею душой и о которомъ, какъ говоритъ Кс. Полевой ¹¹⁾, онъ всегда вспоми-

налъ съ благодарностью. Есть основаніе думать, что и до университета онъ посѣщалъ частныя курсы Буле, что сдѣлало его вліяніе еще продолжительнѣе. Величайшій поклонникъ Аристотеля и издатель его произведеній, Буле любилъ въ своихъ эстетическихъ разсужденіяхъ преимущественно останавливаться на изученіи сущности и главныхъ основъ драмы. Здѣсь уже Грибоѣдову представлялась возможность теоретическаго изученія его любимаго рода поэзіи. Буле въ особенноти предпочиталъ „драму сатирическую и комедію“, по самому характеру своему онъ былъ склоненъ высоко цѣнить элементъ веселости и насмѣшки, будащей и оживляющей людей. Однимъ изъ первыхъ его сочиненій было разсужденіе о душевной веселости и средствахъ поддерживать и развивать ее. Образцовъ комедіи и сатиры искалъ онъ, какъ истый гуманистъ, въ классическихъ литературахъ и, какъ-бы ни отличался отъ своихъ русскихъ сверстниковъ независимостью своихъ ученыхъ мнѣній и свободнымъ отношеніемъ къ авторитетамъ, не могъ обойти классическаго ученія о комедіи и не признать его единственно-вѣрнымъ. Слѣдомъ за профессоромъ, и Грибоѣдовъ, вначалѣ, съ особою любовью относился къ комическимъ писателямъ древности, предпочитая Плавта и Теренція. Буле, оцѣнивъ способности и талантъ своего ученика, нерѣдко посвящалъ ему одному продолжительныя философскія и эстетическія бесѣды, рано пріучившія его къ отвлеченному мышленію. Не безъ пользы было изученіе классической теоріи драмы; паряду съ предпринятымъ тѣмъ-же Буле ознакомленіемъ слушателей съ характеристическими чертами древняго быта, классическимъ искусствомъ, вѣрованіями и т. д. оно давало прочную подкладку его литературному образованію. Но Грибоѣдовъ не остался на псевдо-классицизмѣ своего любимаго учителя и не пошелъ въ

¹¹⁾ Біограф. Грибоѣдова при изд. Горя отъ ума 1839, стр. VIII. Даже подъ арестомъ онъ вспоминаетъ о книгѣ Дежеранда, которую 15 лѣтъ тому

назадъ подарилъ ему Буле, и проситъ друзей прислать ее (см. Сборникъ автографовъ, изд. Русск. Стар. 1873).

кабалу отжившей теоріи. Мысли про себя, наблюденія и постоянное разнообразное чтеніе скоро побудили его пойти неизмѣримо дальше ученія, первоначально принятаго на вѣру, заставило его провѣрить его законы на лучшихъ произведеніяхъ европейскихъ драматурговъ и дойти постепенно до крайняго предѣла ограниченія обязательности всякой незыблемой теоріи, до того предѣла, который отмѣченъ замѣчательнымъ письмомъ его къ Катенину ¹²⁾ въ защиту Горя отъ ума отъ мелочныхъ придирокъ этого поклонника ложно-классической рутинѣ, письмомъ, оканчивающимся такъ: „Знаю, что всякое ремесло имѣетъ свои хитрости, но чѣмъ менѣе, тѣмъ спорѣе дѣло; и не лучше-ли вовсе безъ хитростей? *Nugae difficiles*. Я какъ живу, такъ и пишу свободно.“

Въ Буле Грибоѣдовъ встрѣтилъ истиннаго ученаго въ европейскомъ смыслѣ этого слова, не буквоѣда и не кабинетнаго затворника, что вовсе бы не импонировало ему въ то время, но стоящаго вѣчно на передовомъ посту среди общества и находящаго время и для изслѣдованій, и для пропаганды просвѣщенія. Къ общему обаянію атмосферы науки присоединялся и увлекательный примѣръ нравственной силы и самостоятельности. Живѣе и убѣдительнѣе сознавалось съ каждымъ днемъ, что среда, въ которой возможны такіе люди, въ которой столько будящаго и живительнаго, не имѣетъ ничего общаго съ великосвѣтскимъ кружкомъ, въ которомъ юношѣ суждено жить. Все чаще поднимаются сами собою вопросы, сравненія, сомнѣнія. Начинается роковой анализъ.

Недаромъ Чацкій при первомъ свиданіи съ Софьей вспоминаетъ съ такимъ свѣтлымъ чувствомъ „возрастъ тотъ невинный“, когда живы еще впечатлѣнія дѣтства, когда міръ мечтаній еще не смѣнился грязной прозой и на душѣ легко и свободно. Не дологъ онъ, этотъ счастливый возрастъ, и тѣмъ тяжелѣе

разставаться съ нимъ навѣки. Стремленія къ наукѣ, къ серьезнымъ жизненнымъ цѣлямъ уже заронены, правда; но ни въ комъ изъ близкихъ они не встрѣчаютъ ни малѣйшаго сочувствія. Семья съ ея поклоненіемъ порядочности и приличіямъ налагаетъ на молодого человѣка свою печать, сдерживаетъ его порывы, то и дѣло преграждая путь самостоятельной работѣ молодого ума, становившагося съ каждымъ днемъ все рѣзче въ разрѣзъ съ господствовавшими воззрѣніями. Въ сестрѣ онъ находилъ сочувствіе своимъ научнымъ занятіямъ, она раздѣляла его любовь къ музыкѣ; но въ критическомъ отношеніи къ дѣйствительности, въ своеобразномъ поворотѣ его свѣжей, только что начинающейся жизни на непроторенные еще пути, въ свободѣ, предоставляемой влеченіямъ и порывамъ, и она не могла быть ему товаркой. Въ матери-же онъ встрѣчалъ неумолимо-сдерживающее начало, тѣмъ труднѣе сносимое, что оно исходило изъ сильной любви къ нему, изъ вѣры въ его необыкновенныя способности и изъ родительскаго желанія по своему распорядиться судьбою любимаго дѣтища. Она дала ему возможность образоваться, но никогда не ограничивала своихъ плановъ относительно его будущности карьерой писателя или ученаго; всѣ стремленія его къ литературной дѣятельности возбуждали въ ней неудовольствіе. Разъ, спустя уже нѣсколько лѣтъ по выходѣ Грибоѣдова изъ университета, она публично на вечерѣ у одного изъ товарищей сына, „съ презрѣніемъ говорила о его стихотворныхъ занятіяхъ и замѣтила въ немъ зависть, свойственную мелкимъ писателямъ, отъ того, что онъ не восхищался Кокошкинымъ и ему подобными ¹³⁾...“ Еще строже относилась она къ юношеской вѣтренности и шаловливости сына, въ которомъ кровь играла, въ которомъ были силы избытокъ. Все это не шло къ сложившемуся у нея представленію объ образцовомъ молодомъ человѣкѣ. Это было начало того воплія доброжелательнаго, но не менѣе тя-

¹²⁾ Всемирный Трудъ 1868, кн. 2. Письмо къ Катенину изъ бумагъ П. Каратыгина.

¹³⁾ Письма, изд. Общ. Люб. Слов. М. 1860, стр. 14.

гостнаго семейнаго гнета, отъ котораго впоследствии пришлось столько страдать Грибоѣдову. Его вѣчно старались отвлечь отъ дѣла, хлопоча, чтобъ пустить его въ свѣтъ, сблизить съ вліятельными лицами, составить карьеру. Съ боя, ставъ на колѣна передъ сыномъ и заклиная его сдаться мольбамъ матери, Настасья Ѳеодоровна убѣдила его принять мѣсто у Паскевича ¹⁴⁾; она отдаляла его отъ себя, лишь-бы проложить карьеру! Съ годами онъ научился многое прощать матери и близкимъ за дѣйствительно сильную привязанность къ нему; но по временамъ онъ продолжаетъ негодовать на эту вѣчную опеку, доходя до убѣжденія, „что истиннымъ художникомъ можетъ быть только человѣкъ безродный ¹⁵⁾“.

Дѣдія выходки противъ неограниченнаго господства родственной кляки, противъ всемогущества вліятельныхъ родственниковъ и семейныхъ совѣтовъ, разсѣянная въ Горѣ отъ ума, были дѣйствительно выстраданы авторомъ. Не одна лишь семья въ тѣсномъ смыслѣ слова тормозила постоянно всѣ его порывы; за нею вставала грозная сила родни и великосвѣтскихъ знакомыхъ съ ихъ установившимися разъ на всегда воззрѣніями, непогрѣшимыми приговорами и дружной круговой порукой. Крѣпкой стѣны, окружавшей его со всѣхъ сторонъ, невозможно было пробить отчаянными усилиями тоскующаго въ одиночествѣ и вѣчно неудовлетворяемаго дѣйствительностью молодаго человѣка. Онъ бился въ своей клѣткѣ, затаивая месть своимъ притѣснителямъ.

Въ числѣ важнѣйшихъ членовъ семейнаго ареопага особенно выдавался дядя Грибоѣдова по матери, Алексѣй Ѳеодоровичъ, одинъ изъ тогдашнихъ почетнѣйшихъ московскихъ тузовъ. При помощи матери нашего писателя, питавшей къ нему большое уваженіе, Алексѣй Ѳеодоровичъ, гордившійся своими связями

и положеніемъ въ свѣтѣ, старался ввести молодаго Грибоѣдова въ лучшее общество. Вѣчно приходилось Александру Сергѣевичу отстраняться отъ навязчивыхъ попеченій дяди. „Какъ только Грибоѣдовъ замѣчалъ, что дядя вѣхалъ къ нимъ на дворъ (разсказываетъ Бѣгичевъ въ запискѣ, составленной для г. Смирнова), разумѣется, затѣмъ, чтобъ вести его на поклоненіе къ какому-нибудь князь-Петръ-Ильичу, онъ раздѣвался и ложился въ постель. Поѣдемъ, приставалъ Алексѣй-Ѳеодоровичъ. — „Не могу, дядюшка, то болитъ, другое болитъ, ночь не спалъ, хитрилъ молодой человѣкъ.“ — „Каковъ былъ въ дѣйствительности этотъ человѣкъ, мнѣнія и взгляды котораго пользовались всеобщимъ уваженіемъ въ Грибоѣдовской роднѣ, видно изъ слѣдующей его характеристики, набросанной на черномъ Грибоѣдовымъ въ позднѣйшіе годы и впервые сообщенной въ рукописныхъ матеріалахъ Смирнова:

„Вотъ характеръ, который почти исчезъ въ наше время, но двадцать лѣтъ тому назадъ былъ господствующимъ, характеръ моего дяди. Историкъ предоставляю объяснить, отчего въ тогдашнемъ поколѣніи развита была повсюду какая-то смѣсь пороковъ и любезности; извнѣ рыцарство въ нравахъ, а въ сердцахъ отсутствіе всякаго чувства. Тогда уже многіе дуэллировались, но всякій пылалъ непреодолимою страстью обманывать женщинъ въ любви, мужчинъ въ карты или иначе; по службѣ начальникъ уловлялъ подчиненнаго въ разныя подлости общаніями, которыхъ не могъ исполнить, покровительствомъ, не основаннымъ ни на какой истинѣ; но за то какъ и платили ихъ свѣтлостямъ мелкіе чиновники, вѣрные рабы-спутники до перваго затмѣнія! Объяснимся круглѣе: у всякаго была въ душѣ безчестность и лживость на языкѣ. Кажется, нынче этого нѣтъ, а можетъ быть и есть; но дядя мой принадлежитъ къ той эпохѣ. Онъ какъ левъ дрался съ Турками при Суворовѣ, потомъ пресмыкался въ переднихъ всѣхъ случайныхъ людей въ Петербургѣ, въ

¹⁴⁾ Бесѣды въ О. Л. Слов. II, стр. 25.

¹⁵⁾ Письма къ кн. В. Ѳ. Одоевскому. Р. Арх. 1864, стр. 808—812.

оставивъ жилъ сплетнями. Образецъ его правоученій: я, братъ!¹⁴

По мѣрѣ того какъ молодой умъ привыкалъ относиться критически къ дѣйствительности, какъ бесѣды съ Буле, серьезныя требованія Іона и многое изъ слышаннаго и читаннаго въ студенческую пору вызывали у юноши привычку уходить въ себя и давать себѣ трезвый отчетъ въ наблюденіяхъ, — сравненіе міра Фамусовыхъ и Молчалиныхъ съ той чистой атмосферой, дышавшей трудомъ и мыслью, куда переносился онъ слѣдомъ за своими педагогами, тяжко потрясало его, и горькое разочарованіе глубоко западало въ его душу. Печалень былъ результатъ этого начинавшагося въ немъ анализа. Та среда, на которую онъ недавно смотрѣлъ спокойнымъ, беззаботнымъ взоромъ, проникнутымъ чисто-отроческимъ невѣдѣніемъ, выступала передъ нимъ въ безобразной наготѣ. Въ лицахъ, близкихъ ему по родству и связямъ, окружавшихъ его съ колыбели, онъ распозналъ рядъ темныхъ, безнравственныхъ характеровъ; цѣлая эпопея грязныхъ интригъ, искательства, низкопоклонства, чванства, воплощалась въ отталкивающихъ образахъ. Къ чему и развитіе, и умъ его, если пужно жить и дѣйствовать въ *этой* средѣ, — вотъ вопросъ, который легко могъ представиться юношѣ. Недолго онъ тѣшится добродушнымъ мщеніемъ, на которое такъ падка была въ тѣ годы молодежь. Онъ на школьной еще скамѣ даетъ волю своему остроумію, прибѣгая къ летучей формѣ пародіи, сатиры или эпиграммы и потѣшаясь надъ тѣмъ, передъ чѣмъ благоговѣла масса. Молодое поколѣніе, не рѣшаясь еще свергнуть старыхъ боговъ, такъ мстило имъ и расшатывало ихъ пьедесталы. Онъ принимается за шуточную трагедію *Дмитрій Дрянской*¹⁵), которая должна осмѣять напыщенный патріотизмъ Озерова. Но этими литературными шалостями не могъ проявляться горячій, неукротимо

рвавшійся впередъ и вѣчно останавливаемый и увлекаемый въ тину свѣтской жизни, молодой студентъ. Въ его раннихъ юношескихъ произведеніяхъ скоро слышатся инныя ноты, заставляющія предугадывать будущаго грознаго сатирика. Его вступленіе въ жизнь страннымъ образомъ совпало съ порою народныхъ страданій, съ наполеоновскимъ погромомъ. Въ то время, какъ въ немъ заговорило дѣйствительно искреннее чувство патріотизма, онъ видѣлъ вокругъ себя много примѣровъ постыднаго равнодушія, пассивности; общество, уже на половину разгаданное имъ, выступало въ настоящемъ своемъ свѣтѣ.

Подъ впечатлѣніемъ видѣннаго и слышаннаго набрасываетъ онъ плащъ пьесы съ сюжетомъ изъ отечественной войны, и въ этомъ еще неискусномъ, часто наивномъ планѣ мы видимъ первые отголоски рѣзкаго обличенія общества. Заставивъ въ прологѣ, исполненномъ патріотическаго мистицизма, ночью слетѣться въ архангельскій соборъ тѣни древнихъ героевъ, Святослава, Мономаха, Петра, онъ въ самой пьесѣ желалъ именно указать на ужасающій контрастъ прежняго геройства и удали съ нравственнымъ растлѣніемъ его современниковъ. Въ конспектѣ второй картины втораго акта¹⁷) онъ отмѣчаетъ: „Всеобщее ополченіе *безъ дворянъ*. Трусость служителей правительства, — выставлена или нѣтъ, какъ случится.“ Эпизодъ, происходящій уже въ Вильнѣ, дышетъ еще болѣе глубокимъ разочарованіемъ: „Отличія, искательства, вся поэзія великихъ подвиговъ исчезаетъ“, значится въ программѣ. Конспектъ послѣдней сцены эпизода начинается словами: „прежнія мерзости“.....

Такъ постепенно измѣнились въ молодомъ барченкѣ, столь заботливо оберегаемомъ семьею отъ вольнодумства, взгляды на жизнь и людей. Понятно, что въ одинъ изъ наиболѣе тяжелыхъ пароксизмовъ недовольства окружающимъ, ему могла сама собою придти мысль о сатирѣ на московское общество, всего болѣе

¹⁴) Единственная рукопись ея, подаренная сестрою Александра Сергѣевича г. Смирнову, повидимому утрачена для исторіи литературы.

¹⁷) Русск. Слово 1859, V, 68.

ему знакомое или, выражаясь вѣрнѣе, *на рядъ личностей* наиболѣе ему ненавистныхъ. На первое время иначе и не могло быть. Затаявъ планъ мести, онъ набрасываетъ очеркъ комедіи, въ которой вдоволь насмѣется и надъ людьми и надъ предрасудками. Онъ еще не знаетъ вполне этихъ людей, и много несравненно тягчайшихъ разочарованій ожидаетъ его впереди. Онъ пока скорѣе въ состояніи осмѣять закулисную, скандальную сторону жизни людей, занимающую первенствующее положеніе въ обществѣ, но хорошо уже ему знакомыхъ съ изнанки; онъ скорѣе въ состояніи съ наслажденіемъ хлестнуть ихъ бичемъ сатиры, чѣмъ разгадать весь складъ ихъ воззрѣній, проникнуть въ ихъ ограниченное міросозерцаніе, возсоздать живыми ихъ характеры. Время и думы и безконечныя наблюденія постепенно должны преобразить первый юношескій порывъ негодованія, не знающій мѣры и расплывчивый, въ стройное и художественное произведеніе.

II.

Много воды утекло, пока Грибоѣдовъ снова серьезно принялся за свой юношескій планъ комедіи, и когда онъ приступилъ къ его осуществленію, онъ былъ уже совершенно другимъ человѣкомъ. Патриотическое увлеченіе привело его прямо съ университетской скамьи въ гусарскій полкъ. Тѣмъ временемъ дѣло освобожденія Россіи уже совершилось, полкъ только передвигался изъ одного грязнаго мѣстечка Бѣлоруссіи въ другое; но Грибоѣдовъ не покидалъ военной службы. Стоитъ припомнить его прежнюю обстановку, чтобъ понять, почему онъ примирялся и съ бѣлорусскимъ захолустьемъ, и съ разгульной и пошлой компаніей собутыльниковъ въ стилѣ Давыдовскаго ёры и забіяки-Бурцова,—онъ, ученикъ Буле, съ незабытыми еще планами сатиры на пустоту и ничтожество! Онъ вырвался на свободу изъ-подъ домашней и свѣтской опеки; и степенное семейство, и наставникъ были далеко; никто не обязывалъ его „казаться основательнымъ“, какъ это быва-

ло дѣлала Настасья Ѳедоровна. Онъ явился въ среду людей, не привыкшихъ встрѣчать препятствій своимъ разгульнымъ затѣямъ во всю ширину русской удали, умѣвшихъ въ совершенствѣ, и „выморозки пить, и жиловъ за пейсы таскать“, и всевозможными безнаказанными шалостями давать мѣстному населенію чувствовать ихъ присутствіе, словомъ владѣвшихъ умѣниемъ прожигать жизнь,—явился въ ихъ среду съ пылкимъ и увлекающимъ характеромъ, съ запасомъ непочатыхъ страстей, съ жаждой жизни нараспашку. И молодой корнетъ бросается, очертя голову, въ эту новую для него жизнь, исполненную удовольствій и развлеченій довольно пошлаго характера. Это былъ ребячески-безцѣльный протестъ противъ застоя и спячки, который затянулъ и погубилъ столько талантливыхъ русскихъ натуръ, не выдвинувъ столь антипатичную имъ жизнь ни на волосъ изъ ея безмятежности. „Я въ этой дружинѣ побывъ 4 мѣсяца, а теперь 4-й годъ какъ не могу попасть на путь истинный“¹⁸⁾, такъ вспоминалъ впоследствии Грибоѣдовъ объ одномъ изъ наиболѣе бурныхъ эпизодовъ своей военной службы.

Начальствоне стѣсняло ни въ чемъ, покрывало продѣлки и прощало. Недалеко тогда еще отошло то время, когда и оно могло бы совершенно спокойно принимать участіе въ самыхъ безумныхъ затѣяхъ¹⁹⁾. Грибоѣдовъ не отста-

¹⁸⁾ Письма къ Бѣгичеву, стр. 6.

¹⁹⁾ Любопытнымъ образцомъ, до чего могли доходить иногда «гусарскія шалости», можетъ служить напечатанный въ Русск. Стар. 1872, IV, 681, ордеръ московскаго главнокомандующаго графа Салтыкова шефу ахтырскаго гусарскаго полка генералу Борчугову отъ 1801 года. Салтыковъ, по жалобѣ одного казужскаго жителя, ставитъ «на видъ его превосходительству, что оно незадолго передъ тѣмъ въ третьемъ часу ночи *обще съ гражданскимъ губернаторомъ* и со многими офицерами гусарскаго полка, пѣсенниками и гусарами, всего болѣе ста человѣкъ, пришедъ къ окнамъ дома истца, всѣ вдругъ съ барабаннымъ боемъ, ложками и трещотками произвели необыкновенный шумъ, причинивъ жителямъ страхъ и болѣзнь!»—Эти ночныя гулянья, такъ жаловался обиженный, происходили весьма часто. Салтыковъ предписываетъ лишь «увеселеніями своими ни въ какое время не причинять безпокойствія другимъ».

валъ ни въ чемъ отъ своихъ товарищей, которыхъ самъ въ послѣдствіи, въ годы раздумья, называлъ не иначе какъ „казарменными Готтотами“. Не было конца дурачествамъ, которыя-бы сдѣлали честь любому шалуну-гусару изъ опытныхъ; вѣхатъ на лошади на балъ, прогнать органиста въ монастырѣ и, занявъ его мѣсто, сыграть среди католической литургіи *Камаринскую*, было ни по чемъ. То была пора кризиса; предоставленный самому себѣ, юноша могъ-бы, очертя голову, проститься навѣки съ прежними честными мечтами или отбросить ихъ въ далекой уголокъ пылкаго сердца и оправдывать свою залихватскую жизнь неудовлетворенностью и презрѣніемъ къ пошлой, сонной жизни.

Но въ эту-же пору стало постепенно устанавливаться то охлаждающее, образумливающее вліяніе сначала отдѣльных личностей, потомъ и цѣлаго кружка, которое мало по малу возвращало Грибоѣдова на прежнюю дорогу, ободряло въ немъ серьезные инстинкты и внушало болѣе строгое, совѣстливое отношеніе къ жизни. Адъютантство при генералѣ Кологривовѣ въ Брестѣ сводитъ его съ кучкою болѣе образованной молодежи; снова пробуждается прежняя охота къ писательству и, разумѣется, прежде всего къ драматическимъ бездѣлкамъ, переводнымъ французскимъ комедіямъ. Въ эту пору встрѣчается онъ съ княземъ Вяземскимъ и затѣваетъ съ нимъ довольно оживленную, хотя не новую по сюжету и не вполне безупречную по стижу, комедію *Кто братъ, кто сестра*; переводитъ *Молодыхъ супруговъ*, встрѣчается съ такимъ-же какъ самъ пламеннымъ театраломъ, княземъ А. Шаховскимъ, будущимъ плодовитымъ водевилстомъ и директоромъ театра. Всѣ эти новыя встрѣчи, новыя занятія уже невольно влекутъ его на другой путь. Въ первыхъ пьесахъ его еще весьма мало достоинствъ; онѣ написаны очевидно наскоро и по французскому шаблону, а по переѣздѣ его въ Петербургъ вызваны большей частью просто желаніемъ одолжить какого-нибудь бенефицианта, и поэтому врядъ-ли могутъ быть серьезно взяты въ расчетъ какъ

переходная ступень къ *Горю отъ ума* ²⁰⁾. Но уже много значить это оживленіе литературной дѣятельности, какъ признакъ начинающагося поворота. Рядомъ съ этимъ внѣшнимъ измѣненіемъ строя жизни Грибоѣдова шло еще важнѣйшее, внутреннее. Одинъ изъ его новыхъ товарищей, въ началѣ неразлучный съ нимъ во всѣхъ бурныхъ шалостяхъ, но скоро одумавшійся, Бѣгичевъ былъ главнымъ виновникомъ нравственнаго перерожденія Грибоѣдова. Много искреннихъ и задушевныхъ словъ въ перепискѣ Александра Сергѣевича съ нимъ прямо показываютъ, что именно такимъ-то строгимъ и въ тоже время искренно его любящимъ наставникомъ, хотя и ровесникомъ его и столь-же мало знавшимъ еще жизнь, и считалъ друга своего Грибоѣдовъ и во всю жизнь не забылъ великой пользы его ранняго вліянія. Обмѣнъ взглядовъ между друзьями скоро привелъ къ тому, что вся окружающая дѣйствительность освѣтилась совершенно инымъ свѣтомъ, и какъ нѣкогда въ Москвѣ разоблачился передъ нимъ міръ Фамусовыхъ, такъ здѣсь узналъ онъ вполне міръ Скалозубовъ и Бурцовыхъ, давшій ему въ послѣдствіи столько матеріала для сатирической общественной картины. И въ крупныхъ, и въ мелкихъ частностяхъ *Горя отъ ума* мы видимъ постоянные отголоски наблюдений и мыслей, вынесенныхъ изъ общенія съ армейскимъ бытомъ. Сергѣй Сергѣевичъ Скалозубъ, воплотившій въ себѣ типъ фронтовика-служаки, какими кишѣли въ то время войска, разумѣется, снятъ съ натуры и, хотя потомъ подновленъ нѣсколькими чертами, взятыми у *одной* опредѣленной личности (именно дивизионнаго ге-

²⁰⁾ Когда А. Беслужевъ въ своемъ «Взглядѣ на старую и новую словесность» въ Полярн. Звѣздѣ 1823 г. (стр. 34) говоритъ по поводу передѣлки *Молодыхъ супруговъ* (Le secret du ménage): «стихи его живы, хороши ихъ тонъ речаста за вкусъ его, и вообще въ немъ видно большое дарованіе для театра», то въ отзывѣ этомъ, написанномъ за годъ до окончанія *Горя о. ума*, конечно нужно отвести извѣстную долю слѣдствію обаятельнаго вліянія самой личности Грибоѣдова, его остроумія и слуховъ о большомъ задуманномъ имъ произведеніи. Передѣлка никакими особыми достоинствами не отличается.

нерала Фр-л-ва)²¹⁾ представляет какъ-бы собирательный характеръ, въ которомъ обрисованъ цѣлый классъ подобныхъ людей, тѣмъ болѣе антипатичныхъ Грибоѣдову, что въ начальникъ своемъ, генералѣ Кологривовѣ, принадлежавшемъ къ новой школѣ отцовъ-командировъ, какъ говорилось встарь, школѣ Ермоловыхъ, Воронцовыхъ и т. д., онъ видѣлъ представителя совершенно противоположнаго направленія, примирявшагося однако съ выдающимся официальнымъ положеніемъ и обязательной виѣшной формалистикой. Заставивъ Чацкаго сначала служить въ военной службѣ и даже именно въ кавалеріи, авторъ даетъ намъ понять положеніе его въ средѣ Скалозубовъ, презрительно смотрѣвшихъ на подобныхъ ученыхъ, выскочекъ-либераловъ. Когда Скалозубъ, заговоривъ о своемъ двоюродномъ братѣ, удалившемся даже отъ службы и принявшемся читать книги, (по первоначальному неизданному тексту) говоритъ:

Но вѣрнѣе *заряженъ теперешимъ столѣтьемъ.*
Представьте, капитанъ по списку былъ онъ третьимъ,
Въ отставку вышелъ вдругъ и книги сталъ читать...

то въ этихъ словахъ слышится отголосокъ миѣній и враждебныхъ взглядовъ всего стараго поколѣнія, и предвидится та глубокая рознь его съ новыми людьми, которая приведетъ первыхъ къ Семеновской исторіи и бунту военныхъ поселеній, вторыхъ къ тяжелой расплатѣ за свои стремленія. Въ разговорѣ Скалозуба съ Репетиловымъ еще разъ возвращаемся къ этой розни, причѣмъ первоначальный текстъ комедіи представляетъ въ меткихъ словахъ, достойныхъ идти подъ стать къ выраженіямъ, пріобрѣтшимъ уже знаменитость, яркую противоположность двухъ воззрѣній. „Избавь“, говоритъ Скалозубъ въ отвѣтъ на предложеніе свезти его въ либеральную компанію князь-Григорія,

²¹⁾ Относительно лица, послужившаго оригиналомъ Скалозуба, были разные миѣнія. Одни видѣли въ немъ Паскевича, другіе съ нѣскольکو бѣльшимъ основаніемъ лицо, еще выше поставленное въ управленіи арміи.

Избавь! Съ ученостью вы много взяли всѣ-то!
Богъ вамъ премудрость ниспошли!
Даютъ-ли ордена за это?
Давай ученье намъ, чтобъ люди въ ногу шли.
И школы Фридриха: въ командѣ-гренадеры,
Фельдфебеля мой Вольтеры.

Новые люди дѣйствовали въ одиночку, не сплотившись. Каждому изъ нихъ было трудно пробиваться сквозь сплошной строй противниковъ, не находя порой, на кого опереться. Такъ плоха была надежда на добродушныхъ, честныхъ, но слабыхъ волею товарищей, въ родѣ Платона Михайловича Горичева или болтуновъ-либераловъ безъ всякихъ убѣжденій, повторяющихъ ради пикантности чужія нападки на старину и застои, въ родѣ Репетилова (задуманнаго, какъ увидимъ далѣе, еще въ описываемый періодъ и въ главныхъ чертахъ срисованнаго съ натуры). Чѣмъ далѣе шель этотъ въ сущности только возродившійся анализъ дѣйствительности, служившій продолженіемъ немолчной умственной работы, поднявшейся еще въ годы студенчества, тѣмъ жизнь среди „казарменныхъ Готентотовъ“ становилась все невыносимѣе, и жажда переменъ и обновленія усиливалась. Рѣшившись покончить съ военной службой и отзываясь сочувственно на совѣты новыхъ друзей, манившихъ его въ Петербургъ, Грибоѣдовъ скоро совершенно эмансипируется отъ вліянія той среды, которая едва не осилила его. „Ты жалуешься на домашнихъ своихъ казарменныхъ Готентотовъ, пишетъ онъ черезъ три года Бѣгичеву; это — участь умныхъ людей, мой милый, большую часть жизни своей проводить съ дураками; а какая ихъ бездна у насъ! Чуть ли не больше, чѣмъ солдатъ; и этихъ тьма...“²²⁾

Въ Петербургѣ Грибоѣдова охватилъ конечно и водоворотъ большаго города, увлекла и веселая толпа молодежи, и театръ, и романческія приключенія, въ которыхъ онъ былъ всегда такъ счастливъ; безъ этого обойтись было трудно, — и молодость еще брала свое; да и

²²⁾ Письма къ Бѣгичеву, издан. Общ. Любит. Словесн. М. 1860, стр. 11.

все окружающее жило такой жизнью, и талантливое молодое поколѣніе, не исключая будущихъ свѣтилъ литературы, тратило силы на легкія интриги, культивировало закулисный міръ и т. д. Но, хотя шалости Грибоѣдова за это время приводили въ немалое негодованіе его семью, искавшію случая спасти его во имя карьеры, но въ нихъ не было уже ничего подобнаго прежнему житію. Они отходили на второй планъ, часто окрашивались дѣйствительно искреннимъ увлеченіемъ и отнюдь не могли заслонить начавшагося нравственнаго перерожденія. Его коснулось вліяніе кружка, задававшагося серьезными мыслями о несовершенствѣ существующаго порядка вещей и грезившаго уже необходимыми преобразованіями. Чуть-ли не прежде всего встрѣчается онъ съ этими людьми на почвѣ масонства, котораго и онъ, по общему тогдашнему обычаю, не могъ избѣжать. Въ числѣ членовъ ложи *des amis réunis* за 1816 годъ г. Пыпинъ нашель имена гвардейскихъ офицеровъ Чаадаева, Грибоѣдова, Норова, Пестеля, при чемъ въ одномъ изъ списковъ Грибоѣдовъ означенъ первой степенью, Пестель и Чаадаевъ пятой²³). Новые друзья должны были въ сильной степени поддерживать въ немъ и духъ отрицанія и сомнѣнія, и жажду обновленія жизни, и сильнѣйшее презрѣніе къ дѣятелямъ реакціи, грозно поднимавшей въ то время голову. Благородная личность Александра Одоевскаго, безвременно погибшаго и искренно оплаканнаго всѣми его знавшими, заняла въ эту пору въ жизни Грибоѣдова то высокое положеніе, какое занималъ дотолѣ Бѣгичевъ, отнынѣ разлученный съ другомъ. Чуткій ко всякой неправдѣ, поставившій себѣ высокій жизненный идеалъ, натура нѣжная и поэтическая, Одоевскій былъ ангеломъ-хранителемъ Грибоѣдова, оберегая его, еще не уходившагося, съ братской заботливостью отъ всякихъ уклоненій съ предлежавшаго всѣмъ друзьямъ пути патріотическихъ подви-

²³) Матеріалы для истор. масонскихъ ложъ. Вѣстн. Европы 1872, книга 2-я.

говъ. Знакомство съ Пушкинымъ, жившимъ тогда одной жизнью со всей либеральной фалангой, стремившимся къ однимъ съ нею цѣлямъ, не могло не укрѣпить въ Грибоѣдовѣ и серьезнаго взгляда на призваніе литературы въ смутную переходную эпоху. Не время было болѣе заниматься мелкими театральными бездѣлками, казнить литературныхъ противниковъ эпиграммами или отдѣлываться отъ свѣтской пошлости меткими остротами, невзначай брошенными и схваченными на лету празднымъ обществомъ. Наставало время энергическаго противодѣйствія пагубной рутинѣ, противодѣйствія, внушаемаго чувствомъ патріотизма. И не пустымъ звукомъ былъ этотъ патріотизмъ. Онъ глубоко залегъ въ сердцахъ образованной молодежи, онъ руководилъ кружками, составившимися на подобіе *Tugendbund'a*, наконецъ союзомъ благоденствія; молодежь обращалась къ исторіи, ища въ ней, въ особенности въ лѣтописяхъ классическаго міра, образцовъ истинной и самоотверженной любви къ родинѣ, проникаясь духомъ, оживлявшимъ величайшихъ патріотовъ свободной Греціи. Все росло это движеніе, и все, что было честнаго и прямодушнаго въ характерѣ Грибоѣдова, побудило его всею душою примкнуть къ нему. Изъ веселаго кавалериста, свѣтскаго человѣка, театрала, выработывался гражданинъ. Прежняя внутренняя работа, привычка уходить въ себя становится у него постепенно всепоглощающею. Онъ сосредоточивается, становится неузнаваемъ.

Въ этотъ-то многозначительный періодъ кореннаго перелома, Грибоѣдовъ легко могъ возвратиться къ задуманному еще въ ранней молодости плану комедіи-сатиры на руководящія общественныя сферы. При его новомъ настроеніи осуществленіе его плана являлось не праздною забавой, не ребяческой мезью, но гражданскимъ подвигомъ, отвѣчавшимъ вполне пробудившимся у него запросамъ. И вотъ, по показанію Бѣгичева, онъ приступаетъ въ 1816 году къ обдѣлкѣ своей комедіи, пишетъ нѣсколько сценъ и дѣлится съ друзьями своимъ новымъ опытомъ.

Зная уже раннюю обстановку Грибоѣдова, зная тѣ терзанія, которыя она ему причиняла безпрестанно, легко увидать, кто именно послужить оригиналами для характеровъ комедіи. Въ настоящее время, кажется, полу-вѣковая давность даетъ намъ право прямо сказать, что главные изъ числа этихъ характеровъ живьемъ выхвачены изъ ближайшей родственной обстановки автора. Изъ приведенной выше характеристики дяди Грибоѣдова читатель вѣроятно уже догадался, что Алексѣй Фѣдоровичъ и былъ именно прототипомъ Фамусова²⁴). Щепкинъ, имѣвшій оригиналъ передъ глазами, сдѣлалъ извѣстные, тщательно изученные имъ, приемы его до извѣстной степени традиционными на нашей сценѣ, почти обязательными для позднѣйшихъ исполнителей. Г-нъ Смирновъ приводитъ однакожъ въ своей рукописи чрезвычайно любопытное замѣчаніе Щепкина о степени вѣрности передачи имъ характера Фамусова, изъ котораго видно, что знаменитый актеръ, несмотря на репутацію прекраснаго Фамусова, былъ внутри души крѣпко недоволенъ невозможностью вѣрно передать его характеръ. „Роль эта не совсѣмъ по дѣломъ прославила меня, говорилъ Щепкинъ. Я не Фамусовъ. Не забудьте, что Фамусовъ, какой онъ ни пошлякъ съ извѣстныхъ точекъ зрѣнія, какъ ни смѣшонъ онъ своимъ образомъ мнѣній и дѣйствій, --- всѣ таки баринъ, баринъ въ полномъ смыслѣ слова; а во мнѣ ничего нѣтъ барскаго, у меня нѣтъ манеръ барскихъ, я человекъ толпы, и это ставитъ меня въ совершенный разладъ съ Фамусовымъ, какъ съ живымъ лицомъ.“ Очевидно, что талантливое чутье подсказало артисту именно то пониманіе роли, которое вполнѣ соотвѣтствуетъ характеристикѣ, набросанной самимъ авторомъ, той „смѣси пороковъ и любезности,“ которую онъ мастерски очерчиваетъ.

²⁴) На это впервые указалъ вскозь М. Дмитриевъ въ «Мелочахъ изъ запаса моей памяти» М. 1869, стр. 243.

Въ семьѣ-же Алексѣя Фѣдоровича должны мы, по достовѣрнымъ показаніямъ близкихъ лицъ, искать и оригиналъ втораго главнаго дѣйствующаго лица комедіи, дружкой дѣтскихъ лѣтъ когда-то привязаннаго къ Чацкому. Но это лицо еще живо, и потому неудобно было бы здѣсь называть его. Изъ-за главныхъ лицъ выступаютъ второстепенныя, взятая изъ той-же среды. Такова двоюродная сестра Грибоѣдова, изображенная въ лицѣ Натальи Дмитриевны Горичевой; мать ея послужила оригиналомъ для Хлестовой, въ которой впрочемъ многіе находятъ также и черты извѣстной законодательницы тогдашняго большаго свѣта, Офросимовой, изображенной, какъ извѣстно, и графомъ Л. Н. Толстымъ въ его *Войнѣ и Мирѣ*. Молчалинъ срисованъ съ одного усерднаго посѣтителя всѣхъ знатныхъ прихожихъ, умершаго уже давно въ санѣ почетнаго опекуна. Въ лицѣ добродушнаго и неповоротливаго, честнаго малаго Платона Михайловича Горичева, Грибоѣдовъ не задумался изобразить своего стараго пріятеля и родственника, Илью Ивановича Орва и, по старымъ рассказамъ, самъ-же пріѣхалъ къ другу и признался, что вставилъ его въ свою комедію. О Скалозубѣ мы только что сказали. Мы могли-бы дать столь же опредѣленныя указанія и относительно другихъ лицъ, напримѣръ Загорѣцкаго и т. д., но считаемъ долгомъ оговориться здѣсь развѣ навсегда: указаніе лицъ, послужившихъ оригиналами для характеровъ комедіи, имѣетъ, конечно, большое значеніе для надлежащаго изученія процесса творчества автора, способствуетъ осмысливанію всего произведенія и разгадкѣ настроенія, въ немъ сказывающагося; но невозможно упускать изъ виду, что кошировка шла не далѣе первоначальнаго контура, общаго облика, оживить который и сдѣлать цѣльнымъ, своеобразнымъ типомъ, вполнѣ отвѣчающимъ замыслу автора, было неотъемлемымъ дѣломъ его таланта. Реальная личность дяди являлась такимъ образомъ какъ-бы только поводомъ къ созданію Фамусова, дала для этого характера нѣсколько

своихъ чертъ, художественно затѣмъ дорисованныхъ и освѣщенныхъ. Она важна гораздо болѣе потому, что направила сатиру Грибоѣдова въ данномъ случаѣ именно на надменныхъ московскихъ тузовъ, которымъ служила вѣрной представительницей. Доводить параллель подробностей сюжета комедіи съ фактами дѣйствительной жизни изображенныхъ въ ней лицъ до мелочей было-бы не только невѣроятной натяжкой, но и привело-бы къ ложнымъ заключеніямъ. Такъ, несмотря на видимое совпаденіе обстановки Чацкаго съ средой, окружавшей самого автора, совершенно ошибочно мнѣніе, будто-бы въ жизни Грибоѣдова было что-нибудь похожее на отношенія Софьи къ Чацкому и ихъ развязку. „Никогда ничего подобнаго не было“, категорически заявляетъ Бѣгичевъ, свидѣтель вполне авторитетный.

Въ какомъ отношеніи должны были находиться всѣ дѣйствующія лица другъ къ другу въ первоначальномъ видѣ комедіи, какова въ точности была роль Чацкаго среди нихъ (о немъ и нѣкоторыхъ другихъ позже введенныхъ лицахъ мы подробнѣе скажемъ ниже), совершенно неизвѣстно. Мы уже говорили, что въ первообразѣ Горя отъ ума, какъ онъ зачался въ 1816 году, было много лишняго, обременяющаго дѣйствіе и впоследствии (какъ напр. цѣлая роль жены Фамусова, на которую осталось впрочемъ нѣсколько намековъ въ рѣчахъ его самого) вовсе уничтоженнаго. Несомнѣнно только, что главный остовъ комедіи былъ тотъ же, что и впоследствии, что противоположность двухъ міровъ, двухъ вѣрованій, составляла и тогда основную тему пьесы, конечно развитую несравненно неопытнѣе, съ большей горячностью и невѣднѣемъ мѣры въ выраженіи молодого, страстнаго негодованія. Сравненіе приводимыхъ далѣе позднѣйшихъ вариантовъ комедіи, непосредственно предшествовавшихъ окончательной ея отдѣлкѣ, съ общеизвѣстнымъ текстомъ, несравненно болѣе сжатыхъ и гармоническимъ, даетъ приблизительно понятіе о томъ, чѣмъ долженъ былъ

быть набросокъ 1816 года. Эти варианты указываютъ намъ въ тоже время, что и удивительный языкъ Горя отъ ума сложился не вдругъ послѣ весьма ординарнаго слога мелкихъ комедій Грибоѣдова. Черновыя тетради свидѣтельствуютъ, что передъ послѣдней отдѣлкой иной стихъ подвергался всевозможнымъ измѣненіямъ, пока не приобрѣталъ желаемую краткость, меткость и силу. Понятно, каковъ могъ быть слогъ въ ту пору, когда сама комедія была почти въ зародышѣ. Но планъ ея, острота насмѣшки, уже сквозившая и въ неопредѣленномъ ея образѣ, вызвали сочувствіе друзей Грибоѣдова. Онъ съ любовью отдался своему замыслу; но, что достойно особаго замѣчанія, очевидно не назначалъ своего произведенія для сцены. На это указываютъ почти прямо слѣдующія слова изъ неизданнаго чернаго отрывка, сообщаемаго извѣстною уже рукописью:

„Первое начертаніе этой сценической пьесы, какъ оно родилось во мнѣ, было гораздо великолѣпнѣе и высшаго значенія, чѣмъ теперь, въ суетномъ нарядѣ, въ который я принужденъ былъ облечь его. Ребяческое удовольствіе слышать стихи мои въ театрѣ, желаніе имъ успѣха заставило меня портить мое созданіе, сколько можно было. Такова судьба всякому, кто пишетъ для сцены“. И такъ въ началѣ Грибоѣдовъ задумывалъ нѣчто въ родѣ комедіи для чтенія, быть можетъ, оттого, что не вѣрилъ возможности всенароднаго обличенія съ сценическихъ подмостковъ въ то время; онъ не хотѣлъ заискивать вниманія театральной толпы, но стремился, въ пламенномъ увлеченіи молодости, сказать современному обществу нѣсколько суровыхъ, безопадныхъ истинъ, — замыселъ совершенно соотвѣтствующій тому особому *гражданскому* настроенію, которое его охватывало.

Принятіе службы въ Таврискѣ, на что онъ рѣшился вслѣдствіе отчаяннаго напора на него той-же семьи, желавшей его отдалить отъ петербургскихъ соблазновъ, казалось, должно

было-бы положить конецъ работѣ надъ задуманнымъ обличительнымъ произведеніемъ. Онъ надолго разобщался съ средой, ставшей предметомъ обличенія; передъ нимъ открывалась новая для него служебная дѣятельность, къ которой онъ по новымъ своимъ воззрѣніямъ расположенъ былъ отнестись вполне добросовѣстно, хотя первоначально всѣми силами отбивался отъ нея и тщетно ставилъ всевозможныя препятствія окончательному зачисленію своему на службу. Наконецъ его ожидала неисходная тоска по тѣсному дружескому кругу, по цивилизованной жизни, по возможности занятій, по музыкѣ, по дамамъ своего сердца. До насмѣшекъ-ли, до комедій-ли тутъ, въ этой почетной ссылкѣ, которую онъ допускаетъ лишь изъ ложно понятаго долга относительно семьи и желанія поправить ея запутанныя денежные обстоятельства? Но не раздается онъ съ своей комедіей и дѣлаетъ ее своею неизмѣнной спутницей во время долгаго странствія до варварской страны, которой вскорѣ суждено оказать на первыхъ порахъ хорошее вліяніе и на складъ ума его, и на дарованіе.

Съ этой минуты начинается послѣдній періодъ работъ по созданію Горя отъ ума.

III.

„Трехлѣтнее пребываніе въ Персіи и уединенная жизнь въ Таврисѣ сдѣлали Грибоѣдову большую пользу“, говоритъ Бѣгичевъ въ своей біографической запискѣ²⁵⁾. „Сильная воля его укрѣпилась, всегдашнее его любознание не имѣло уже преграды и разсѣянія. Онъ много читалъ по всѣмъ предметамъ, по всѣмъ отраслямъ наукъ и много учился“. Въ такое-то время затишья и ничѣмъ не стѣсненныхъ думъ, и смыслъ излюбленнаго сатирическаго произведенія долженъ былъ сдѣлаться иной. Изъ своего скучнаго, томящаго далека Грибоѣдовъ вѣрнѣе распознавалъ основныя черты только что оставленнаго имъ быта; изъ-за отрицательныхъ характеровъ,

собранныхъ имъ въ свою комедію, выступали для него важнѣйшіе вопросы русской жизни. Взглядъ его становился мрачнѣе, сатира безпощаднѣе. Изъ Россіи приходили только вѣсти о новыхъ успѣхахъ реакціи. Старая патріотическая жилка, разожженная еще болѣе занятіями русской исторіей, въ которой Грибоѣдову грезился рядъ эпизодовъ величія и славы, рѣзко и обидно контрастирующей съ безхарактерной пошлостью потомковъ,—побуждала его выступить не только съ болѣе или менѣе удачной сатирой на лица и пороки, но и съ прямымъ воззваніемъ къ обществу, заклинаяющимъ его остановиться на гибельномъ пути къ полной безличности и пролагать себѣ путь къ возрожденію. Характеръ Чацкаго, дотолѣ еще неясный, получаетъ теперь вполне опредѣленную фізіономію, и вся комедія окрашивается совершенно новымъ направленіемъ. Чѣмъ болѣе развивается самостоятельный, энергическій, благородный складъ воззрѣній Грибоѣдова, тѣмъ совершеннѣе становится художественное воспроизведеніе его въ Чацкомъ.

Да, Чацкій дѣйствительно точный портретъ Грибоѣдова. Его рѣчей, его стремленій и понять нельзя безъ помощи постоянного сличенія съ оригиналомъ. Пусть строгая теорія справедливо укажетъ промахи въ постепенномъ развитіи этого характера въ комедіи, пусть перечтетъ неловкія минуты, которыя заставляютъ переживать его авторъ (въ родѣ монолога въ концѣ третьяго акта) и которыя какъ будто указываютъ на нѣсколько насмѣшливое отношеніе автора къ своему герою;—быть можетъ, оттого, что устами Чацкаго говорилъ онъ самъ, что онъ не смотрѣлъ на него, какъ на нѣчто внѣ его находящееся, онъ и допустилъ у себя эти промахи. Мы здѣсь стоимъ на почвѣ исторической и должны вникнуть во внутреннее значеніе Чацкаго, этого лучшаго выразителя надеждъ и стремленій либерализма двадцатыхъ годовъ.

Чацкому суждено было стать предметомъ самыхъ разнообразныхъ комментариевъ, вытер-

²⁵⁾ Бесѣды въ Общ. Люб. Слов. II, стр., 18.

пѣтъ много совершенно незаслуженныхъ нападокъ; онъ не избѣгъ также участи прочихъ дѣйствующихъ лицъ комедіи и былъ приурочиваемъ къ совершенно невозможнымъ оригиналамъ. Такъ одно время было въ ходу мнѣніе, что въ немъ авторъ хотѣлъ изобразить своего близкаго друга, всегда глубоко имъ цѣнимаго, Чаадаева; какъ видно изъ недавно напечатанныхъ писемъ Пушкина къ князю Вяземскому²⁶⁾, этотъ слухъ дошелъ и до Пушкина и даже сильно возмутилъ его на время. Идя еще далѣе, литературные враги Грибоѣдова, вскорѣ по напечатаніи первыхъ отрывковъ изъ его комедіи въ *Русской Таліи*, назвали Горя отъ ума и въ частности характеръ Чацкаго простымъ подражаніемъ Виланду²⁷⁾, говоря, что положеніе Чацкаго въ обществѣ и его обличительныя рѣчи являются прямой копіей съ роли Демокрита, главнаго дѣйствующаго лица въ Виландовомъ фантастическомъ разсказѣ *Geschichte der Abderiten*, точно также набравшагося, во время долгихъ путешествій, новыхъ идей и высказывающаго ихъ въ болѣе или менѣе остроумной формѣ избраннымъ личностямъ знаменитаго абдеритскаго племени, упоеннаго своимъ собственнымъ величіемъ. Безпристрастное сравненіе обоихъ произведеній тотчасъ должно было-бы обнаружить громадную разницу между ними. Въ то время какъ Виландъ довольствуется сплошной аллегоріей и, какъ сатирики XVIII-го вѣка, рисуетъ нравы фантастическаго общества, средѣ сказочную, гдѣ противники Демокрита своими рѣчами и дѣйствіями, своею безсильной злобой производятъ часто комическое впечатлѣніе, — Горя отъ ума, перенося насъ въ живую русскую дѣйствительность, срывая маски со всего порочнаго, а не прикрывая его ими ради стыдливости, возсоздавая цѣлый рядъ типическихъ личностей, а не забавляя зрѣніе китайскими тѣнями, является меткой, чисто-русской сатирой, и рѣчи Чацкаго, въ которыхъ слышится не

саркастическая усмѣшка Демокрита, но въ которыхъ нерѣдко душою отгадывается весь трагизмъ его положенія, являются невольнымъ воплемъ, вырвавшимся изъ груди *русскаго* умнаго человѣка.

Но нападки были сдѣланы и съ другой стороны, и, казалось-бы, съ несравненно бѣльшимъ основаніемъ. Чацкаго зачислили въ ряды проповѣдниковъ разобщенія съ Западомъ; его доводамъ о необходимости учиться хоть у Китайцевъ ихъ премудрому незнанію иноземцевъ и т. д. придали характеръ крайней славянофильской доктрины, сдѣлали Грибоѣдова заурядъ однимъ изъ провозвѣстниковъ славянофильства. Еще недавно г. Анненковъ²⁸⁾ счелъ необходимымъ попрекнуть по тому-же поводу Грибоѣдова „модными архаическими, славянофильскими тенденціями“ и т. д. Поверхностность подобныхъ опрометчивыхъ приговоровъ обнаруживается весьма легко. То, что желаютъ выставить *моднымъ* архаизмомъ, т. е. какъ-бы чѣмъ-то не искреннимъ, игрой въ сочувствіе старинѣ, становится совершенно понятнымъ, если его не разобщать со всѣмъ патріотическимъ движеніемъ къ обновленію, охватившимъ въ ту пору лучшую часть русской молодежи. Не романтическая блажь заставляла Рылѣва возвращаться въ своихъ *Думахъ* къ различнымъ эпизодамъ старой русской исторіи, какъ равно и не она создала знаменитыя въ свое время Историческія пѣсли (*Spiewy historyczne*) Нѣмцевича, восхищавшія тогда всю Польшу. Обращаясь къ старинѣ, оба поэта видимо старались тѣмъ расшевелить своихъ соотечественниковъ, становившихся снова индифферентными послѣ патріотическаго взрыва въ пору наполеоновскихъ войнъ, усилить въ нихъ самосознаніе, научить ихъ посредствомъ указаній исторіи трезвому, мужественному взгляду на жизнь, какъ-бы напомнить имъ, что они не разобщенное и изолированное племя, а народъ, у котораго есть прошедшее,

²⁶⁾ Русск. Архивъ 1874, стр. 127.

²⁷⁾ Вѣст. Евр. 1825, № 5, статья М. Дмитриева.

²⁸⁾ Вѣстникъ Европы 1873, XII, 467. «Пушкинъ въ Александровскую эпоху».

налагающее на него важныя обязанности. Нѣтъ спору, что во всемъ этомъ есть значительная доля идеализма и именно того идеализма двадцатыхъ годовъ, который сталъ почти поговоркой и который такъ живо сказывается во всѣхъ литературныхъ и политическихъ начинаніяхъ тогдашняго молодого поколѣнія. Но невозможно эти начинанія разобцать съ ихъ временемъ, забывая, что уже болѣе полувѣка отдѣляется отъ нихъ и насъ, и наши возрѣнія. Чацкій во всемъ, что только можно подвести подъ категорію „моднаго архаизма“, является вполне послѣдовательнымъ выразителемъ только что очерченнаго направленія. Не забудемъ, что авторъ заставилъ его долго пространствовать по Европѣ и придти къ заключенію, что „тамъ лучше, гдѣ *насъ* нѣтъ“. Ни въ чемъ и нигдѣ не встрѣтимъ мы глумленія его надъ всѣмъ, что представляла въ то время живаго и обновляющаго западная жизнь. Разсѣянная въ комедіи выходки противъ цензуры и сильныхъ враговъ новой образованности, принимаемая на себя авторомъ защита новаго поколѣнія ученыхъ, упражняющихся въ расколахъ и безвѣріи, защита Ланкастерской системы взаимнаго обученія, составлявшей одну изъ наиболѣе драгоценныхъ либераламъ частей ихъ программы, и множество другихъ данныхъ, которыя, кажется, было-бы излишне здѣсь приводить, доказываютъ, что Чацкій-Грибоѣдовъ сочувствовалъ всѣмъ тѣмъ новымъ стремленіямъ, которыя въ ту пору именно и несли на Русь только съ Запада. Въ одномъ изъ писемъ къ кн. В. Ѳ. Одоевскому ²⁹⁾ онъ прямо возстаеъ „противъ людей, которые отъ души желаютъ, чтобъ отечество наше оставалось въ вѣчномъ младенцествѣ“. Ему-ли, въ самомъ дѣлѣ, воспитавшемуся на рукахъ ученыхъ иностранцевъ, ученику Буле, разносторонне знакомому съ западными литературами, было выступать въ качествѣ крайняго врага всего иноземнаго? ³⁰⁾

²⁹⁾ Русск. Арх. 1864, №№ 7 и 8.

³⁰⁾ Кирѣевскій поэтому напрасно ставитъ на видъ автору будто-бы упущенное имъ различіе между сочувствіемъ къ Западу и поклоненіемъ иностранцамъ

Какъ будто достаточно, если человѣкъ вознегодуетъ на то, что съ раннихъ лѣтъ насъ научаютъ, „что ничего нѣтъ выше нѣмца,“ или (какъ оканчивается въ первоначальномъ текстѣ приведенный уже нами отрывокъ) что у насъ всякій Гильоме

Куда глаза ни обратитъ,
Кто противъ легкости волшебной устоятъ?
Живемъ мы такъ давно, такъ дружно, такъ семейно,
Со всякимъ вертуномъ, залетнымъ изъ-за Рейна,

какъ будто достаточно такой совершенно понятной выходки для заключенія о повальномъ перасположеніи его ко всему чужеземному. Видѣтъ въ каррикатурѣ французика изъ Бордо насмѣшку надъ всѣмъ французскимъ народомъ не значить-ли идти слишкомъ далеко по пути обобщеній? Къ тому-же не труденъ отвѣтъ на вопросъ, кто менѣе пошажень хотя-бы въ упомянутомъ эпизодѣ, французикъ-ли, этотъ „вертунъ, залетный изъ-за Рейна“, т. е. первый встрѣтившійся проходимецъ, или то общество, которое чествуетъ, слушаетъ и принимаетъ его. Тутъ-то мы касаемся существеннаго объясненія анализируемой стороны возрѣній Чацкаго. Онъ всюду видѣлъ во время своихъ странствій народы, которые не стыдился быть самими собою, и потому, послѣ долгаго отсутствія съ родины, его всего болѣе поражаетъ та безличность, готовность жертвовать своей самолюбностью въ угоду приличіямъ и модѣ, то добровольное отреченіе отъ своей національности и смѣшеніе французскаго съ нижегородскимъ, которое бросается ему въ глаза на каждомъ шагу. Оттого-то онъ и возстаеъ противъ „нечистаго духа пустаго, рабскаго, слѣпаго подражанья“, по той ясной причинѣ, что подражаніе это не сознательное и обдуманное, но слѣпое и рабское. Въ виду этой основной мысли мы можемъ пройти мимо дѣйствительно лишнихъ выходокъ противъ европейскаго костюма и т. п.; эти выходки могутъ быть сочтены извинимымъ въ устахъ раздра-

(статья о Горѣ отъ ума въ журналѣ *Европеецъ* 1832 г., перепеч. въ Соб. Соч. Кир. 1861)

женнаго, горячо заговорившагося человѣка, излишествомъ; они слишкомъ спускаютъ тѣни въ картинѣ, но не могутъ быть въ комедіи ничѣмъ инымъ какъ балластомъ.

Перейдемъ къ другой сторонѣ характера Чацкаго, подвергавшейся не меньшимъ нападкамъ. Зачѣмъ авторъ заставилъ его высказывать свои новыя идеи законнѣлымъ представителямъ застоя и рутины, зачѣмъ осудилъ его играть въ ихъ средѣ странную роль моралиста, котораго никто не хочетъ слушать? Не замѣтилъ онъ самъ странности этого положенія своего героя, или-же не хотѣлъ-ли онъ отнестись къ нему полу-насмѣшливо, какъ къ благородному утописту, тратящему остроуміе и пафосъ попусту? Вотъ вопросы, часто задававшіеся критикой. Мы постараемся сообщить здѣсь нѣсколько данныхъ для ихъ разъясненія. Что Грибоѣдову чуждо было намѣреніе сдѣлать героя своего хотя отчасти смѣшнымъ, въ томъ не можетъ быть сомнѣнія. Указанное уже выше письмо его къ Катенину ³¹⁾, оправдывающее передъ лицомъ этого привязчиваго критика частности плана и выполненіе характеровъ въ комедіи, служить тому неопровержимымъ доказательствомъ. „Ты находишь главную погрѣшность въ планѣ, пишетъ Грибоѣдовъ; мнѣ кажется, что онъ простъ и ясенъ по цѣли и исполненію: дѣвушка сама не глупая предпочитаетъ дурака умному человѣку (не потому, что чтобы умъ у насъ, грѣшныхъ, былъ обыкновененъ, нѣтъ! и въ моей комедіи 25 глупцовъ на одного здравомыслящаго человѣка); и этотъ человѣкъ, разумѣется, въ противорѣчій съ обществомъ его окружающимъ; его никто ни понимаетъ, никто простить не хочетъ, за чѣмъ немножко онъ повыше всѣхъ; сначала онъ веселъ, и это порокъ: „шутить и вѣкъ шутить, какъ васъ на это станетъ“.—Слегка перебираетъ странности прежнихъ знакомыхъ; что-же дѣлать коли нѣтъ въ нихъ благороднѣйшей, замѣтной черты! Его насмѣшки незвѣвательны, покуда его не взбѣсятъ, но все

таки: „не человѣкъ, змѣя“; а послѣ, когда вмѣшивается личность, нашихъ затронули, предается анафемѣ: „унизить радъ, колынуть, завистливъ, гордъ и золъ“. Не терпитъ подлости: „ахъ, Боже мой, онъ карбонарій“. Кто-то со злости выдумалъ объ немъ, что онъ сумасшедшій; никто не повѣрилъ, но всѣ по-вторяютъ, голосъ общаго недоброхотства и до него доходитъ, притомъ и нелюбовь къ нему той дѣвушки ему совершенно объясняется: онъ ей и всѣмъ наплевалъ въ глаза и былъ таковъ“ и т. д. Смотря такимъ образомъ на Чацкаго, какъ на характеръ вполне выдержанный и послѣдовательный, а не какъ на автомата, при посредствѣ котораго удобно высказывать рѣзкія обличенія, Грибоѣдовъ, стало быть, находилъ на свой взглядъ вполне естественнымъ его неодолимое влеченіе смѣло говорить истину въ глаза. Чацкій подвергается опаснымъ въ ту пору обвиненіямъ въ карбонарствѣ, но „онъ не терпитъ подлости“ и потому не можетъ молчать. Объясненіе этому взгляду необходимо снова искать въ свойствахъ характера самого Грибоѣдова, вполне отождествляющагося съ чертами характера его героя. Неодолимое влеченіе говорить правду, не скрывая ее ради какихъ либо выгодъ, забывая о томъ, что эта рѣзкость можетъ повести къ непріятнымъ послѣдствіямъ, составляло именно отличительную особенность Грибоѣдова. Какъ Чацкій, по его словамъ, не терпитъ подлости, такъ и самъ онъ, по нѣсколько напыщенному выраженію Бестужева (въ указанной выше статьѣ), „не могъ и не хотѣлъ скрывать насмѣшки надъ позлащенной и самодовольною глупостью, ни презрѣнія къ низкой искательности, ни негодованія при видѣ счастливаго порока“. На эту сторону его характера указываютъ почти всѣ его современники, она сказывается въ его письмахъ и черновыхъ тетрадахъ. П. Каратыгинъ въ своемъ воспоминаніи о Грибоѣдовѣ ³²⁾ приводитъ примѣры то-

³¹⁾ Всемирн. Трудъ 1868, кн. 2-я.

³²⁾ Русская Старина, 1872 г. III. 423—431: «А. С. Грибоѣдовъ, Изъ Записокъ П. А. Каратыгина».

му, до какой степени иногда доходило искреннее негодование его на людей, въ которыхъ онъ чувалъ недоброе. Онъ засыпалъ ихъ сарказмами, не давалъ имъ пощады, не останавливаясь ни передъ чѣмъ. Эта рѣзкость побуждала даже иныхъ думать, что она проистекаетъ лишь изъ чрезвычайнаго самоуниженія и увѣренности въ собственномъ превосходствѣ надъ всѣми сверстниками, тогда какъ на дѣлѣ онъ былъ внутри души чрезвычайно скромнень, вовсе не преувеличивалъ своего ума и дарованій и сказалъ однажды г. Каратыгину, удивлявшемуся разностороннимъ его способностямъ, что, у „кого много талантовъ, у того нѣтъ ни одного настоящаго“.

И такъ въ горячихъ, страстныхъ выходкахъ Чацкаго Грибоѣдовъ оставался опять самимъ собою. Онъ и его заставилъ раздѣлить съ собою недостатокъ благонамѣренной воздержности въ обличеніяхъ, не подумавъ иной разъ и здѣсь, какъ и въ жизни, къ какимъ промахамъ это можетъ привести. Прибавимъ къ тому и другую оправдательную причину, указанную еще Апол. Григорьевымъ³³⁾ въ одной изъ послѣднихъ его критическихъ статей. Фамусовъ, замѣчаетъ этотъ критикъ, для Чацкаго не просто такое-то лицо, а живое воспоминаніе дѣтства, когда его возили къ такимъ людямъ на поклонъ. Поэтому онъ могъ говорить такъ съ Фамусовымъ. Если мы, зная уже, что и самъ характеръ Фамусова взятъ прямо съ натуры и что дѣтскія воспоминанія автора такъ же безотрадны, какъ и воспоминанія Чацкаго, прибавимъ и это соображеніе къ уже высказаннымъ, то субъективность главнаго характера комедіи станетъ болѣе или менѣе ясною. Что подобный характеръ былъ возможенъ, о томъ не можетъ быть и рѣчи. Личность Грибоѣдова тому порукой. Но (какъ замѣтилъ также только что цитированный писатель, у котораго въ цѣломъ морѣ риторическихъ фразъ не въ рѣдкость бывало встрѣтить порой мет-

кую мысль) „Чацкій вообще *правдивая натура*, какія всегда бывали на Руси, натура, напоминающая старика Гринева, Багрова, старика Дубровскаго; если не отъ отца, то отъ дѣда онъ могъ унаслѣдовать эту прямоту и правдивость“, дѣлающую его не только характеромъ вообще возможнымъ, но не лишеннымъ и національной окраски.

Приступивъ въ Персіи къ окончательной обдѣлкѣ комедіи, Грибоѣдовъ во время службы своей при А. П. Ермоловѣ окончилъ на чисто первыя два ея дѣйствія, т. е. тѣ, гдѣ намѣчиваются вполне главныя лица комедіи, всегда живыя передъ нимъ, потому что задуманы были, какъ мы знаемъ, еще въ первообразѣ комедіи и имѣли въ основѣ реальныхъ личности. Авторъ уже читалъ отрывки изъ *Горя отъ ума* нѣкоторымъ лицамъ, пользовавшимся его особымъ расположеніемъ; такъ еще въ 1819 году, проѣзжая изъ крѣпости Грозной въ Тифлисъ, онъ, скоро подружившись со встрѣченнымъ имъ случайно въ Моздокѣ Бебутовымъ (извѣстнымъ впоследствии генераломъ) читалъ ему „много своихъ стиховъ и изъ своей комедіи *Горе отъ ума*, которая была только еще набросана“.³⁴⁾ Встрѣтившись въ 1821 г. въ Тифлисъ съ Кюхельбекеромъ, онъ въ немъ нашелъ еще болѣе компетентнаго судью его опыта. Но онъ видѣлъ, что для окончанія комедіи, для тѣхъ двухъ послѣднихъ дѣйствій, въ которыхъ въ особенности должна была обрисоваться среда, окружающая Чацкаго, у него недостаетъ красокъ, что нѣсколько лѣтъ, проведенныхъ имъ вдали отъ чисто-русской обстановки среди чуждаго народа или въ центрѣ оживленной военной дѣятельности, нѣсколько затуманили передъ нимъ воспоминанія о людяхъ и нравахъ Сѣвера. Онъ замышляетъ поѣздку въ Москву и Петербургъ. Его начинаетъ не въ мѣру тяготить его кавказская жизнь. Онъ сквозъ слезы шутить, говоря въ позднѣйшемъ письмѣ къ Бѣгичеву, что „его занимаетъ борь-

³³⁾ Русское Слово 1859, № 2, стр. 38 «Взглядъ на русскую словесность со смерти Пушкина».

³⁴⁾ Военный Сборникъ 1867, кн. 6-я, 278. «Г. л. В. О. Бебутовъ».

ба горной и дѣсной свободы съ барабаннымъ просвѣщеніемъ, дѣйствіе конгреговъ“, и обѣщая, что „мы будемъ вѣшать и прощать и плюемъ на Исторію“ и т. д. Комедія стала насущнымъ дѣломъ его жизни, и окончаніе ея не дасть ему покою. Въ 1823 году мы застаемъ его на родинѣ.

Увидавшись послѣ долгой разлуки съ Бѣгичевымъ, Александръ Сергѣевичъ, какъ повѣствуетъ наша рукопись, прочелъ ему написанное изъ комедіи, при чемъ, какъ показалось другу, съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ выслушалъ сдѣланныя имъ замѣчанія относительно перваго акта. На другой день Бѣгичевъ засталъ его рано утромъ neodѣтаго, у печки, куда онъ бросалъ листь за листомъ написанный первый актъ. „Я обдумалъ, отвѣчалъ онъ изумленному Бѣгичеву; ты вчера говорилъ мнѣ правду, но не безпокойся: все уже готово въ головѣ моей“;— и дѣйствительно черезъ недѣлю актъ былъ написанъ вновь. Очувтившись снова въ той обстановкѣ, которая впервые возбудила въ немъ сатирическій задоръ, Грибоѣдовъ съ жаромъ принялся за новыя наблюденія. Петербургъ не удовлетворялъ его въ этомъ отношеніи. Подобно Фонвизину, который передъ созданіемъ Бригадира покинулъ Петербургскій свѣтъ и явился въ Москву изучать оригиналы задуманныхъ имъ характеровъ, такъ и Грибоѣдовъ всегда возвращался въ Москву за богатой жатвой наблюденій. Его не узнавали; прежде не любившій показываться на шумныхъ свѣтскихъ собраніяхъ, онъ теперь къ удивленію друзей сталъ являться всюду, сталъ присяжнымъ посѣтителемъ гостиныхъ, баловъ и т. д. Материалу для общественной картины набиралось вдоволь, хотя опять таки, если извѣстныя личности и тутъ послужили какъ-бы первымъ поводомъ къ созданію того или другаго второстепеннаго дѣйствующаго лица, то выполненіе, обрисовка этого лица происходила всегда вполне самостоятельно. Правда, что Грибоѣдовъ въ извѣстномъ уже письмѣ къ Катенину, отвѣчая на обвиненіе въ *портретности* характеровъ, говорить: „Боли не имѣю

таланта Мольера, то по крайней мѣрѣ чисто-сердечнѣе его: портреты и только портреты входятъ въ составъ комедіи и трагедіи; въ нихъ есть однако черты, свойственныя многимъ другимъ лицамъ, а инья всему роду человѣческому на столько, на сколько каждый человѣкъ похожъ на всѣхъ двуногихъ собратій. Каррикатуръ ненавижу, въ моей картинѣ ни одной не найдешь“ и т. д. Но нѣсколько далѣе, въ оправданіе своей мысли, онъ приводитъ примѣры изъ Мольера: „Мѣщанинъ во дворянствѣ, Мнимый больной—портреты и превосходные, Скупецъ—антропосъ собственной фабрики, и несносенъ“. И такъ подъ словомъ *портретъ* Грибоѣдовъ въ данномъ случаѣ вовсе не понимаетъ прямой копіи съ натуры, какъ можно-бы заключить изъ его общаго опредѣленія; онъ лишь противопоставляетъ характеры вполне жизненные, выхваченные прямо изъ быта и вполне возможные, неяснымъ измышленіямъ фантазіи, подводящимъ искусственно подъ рядъ съ реальными явленіями. Въ одномъ мѣстѣ своихъ Путевыхъ Записокъ онъ смѣется надъ водевилистомъ княземъ Шаховскимъ, который почти не живетъ въ вещественномъ мірѣ, а все съ своими „идеальными Холминскими и Ольгиными“, и потому и ставилъ себѣ основнымъ правиломъ строгую правдивость изображеній.

Но типы, нарисованные сатирикомъ, были такъ соблазнительно живы и вѣрны, что каждый постарался впослѣдствіи найти въ нихъ сходство съ знакомыми ему лицами. По словамъ автора одного извѣстнаго романа, надѣлавшаго много шуму въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, во время его путешествій по Россіи ему въ нѣсколькихъ губерніяхъ повторяли на разные лады догадки о лицахъ и событіяхъ, будто-бы доставившихъ ему сюжетъ для романа. Оказывалось, что въ каждой мѣстности было незадолго передъ тѣмъ что-то подобное судьбѣ героя и героини его; различія затѣмъ приписывались изобрѣтательности и таланту автора, тщетно клявшася, что онъ вовсе не знаетъ ни о какой семейной драмѣ мѣстныхъ обывателей, Точно такова-

же судьба дѣйствующихъ (особенно второстепенныхъ) лицъ Горя отъ ума. Безчисленны тѣ объясненія и приурочиванья, которыя дѣлались со всѣхъ сторонъ и относительно этихъ лицъ и по поводу различныхъ намековъ и сатирическихъ выходовъ, разсѣянныхъ преимущественно въ рѣчахъ Чацкаго и Репетилова. На сколько молва грѣшила часто въ этомъ объясненіи во что бы то ни стало, подтверждается слѣдующимъ разсказомъ сестры Александра Сергѣевича г. Смирнову. „Я предупреждала Александра, говорила Марья Сергѣевна, что онъ съ комедіей наживетъ кучу враговъ себѣ, а еще болѣе мнѣ, потому что стануть говорить, что злая Грибоѣдова указывала брату на оригиналы.—Да какіе-же оригиналы? спросилъ онъ.—Помилуй, да вѣдь твои Тугоуховскіе развѣ не Ш-х-скіе?—Я твоихъ Ш-х-скихъ и не знаю, отвѣчалъ онъ“.

Материалы, собранные г. Смирновымъ, сообщаютъ только указаніе подлинника одного изъ дѣйствующихъ лицъ въ комедіи, включеннаго въ нее уже въ послѣдній періодъ работъ, именно Репетилова. Оригиналомъ его послужилъ старинный знакомецъ Грибоѣдова, съ которымъ онъ служилъ при генералѣ Кологривовѣ, нѣкто Ш-тиловъ. Для болѣе точнаго обозначенія этого лица мы прибавимъ, что онъ былъ впоследствии замѣшанъ въ памятное московскимъ старожиламъ нечаянное убійство извѣстнымъ композиторомъ Алябьевымъ (также другомъ Грибоѣдова) помѣщика Временева. „Господинъ этотъ, по словамъ Бѣгичева, былъ добрый малый, очень пустой и одержимый несчастной страстью безпрестанно острить и говорить каламбуры. Этимъ наконецъ онъ такъ надоѣлъ Грибоѣдову, что тотъ купилъ альманахъ анекдотовъ Биевра и какъ только тотъ каламбуръ, къ нему сейчасъ обращались съ вопросомъ: „на какой страницѣ“?—Свое, ей Богу, свое, отвѣчалъ онъ всегда. Острякъ этотъ былъ въ Москвѣ, когда Грибоѣдовъ привезъ туда оконченную комедію. Авторъ самъ прочелъ ему роль Репетилова. Тотъ расхохотался, говоря: „Я знаю, на кого ты тутъ метишь!—На кого?—На

Ч—ва“.... Неизвѣстно, принадлежалъ-ли также налетъ пустоватаго, поверхностнаго либерализма, отличающій Репетилова, также къ свойствамъ лица, о которомъ идетъ рѣчь и не получило-ли и оно, подобно другимъ оригиналамъ, этой окраски уже подъ перомъ художника. Въ первоначальномъ текстѣ авторъ влагаетъ ему въ уста еще болѣе смѣлую выходку, впоследствии изъ осторожности исключенную вовсе:

Тѣфу! Служба и чины, кресты—душѣ насада!
Лахмотьевъ Алексѣй чудесно говоритъ,
Что за правительство путемъ-бы взятыя надо:
Желудокъ больше не варить!

Но либерализмъ Репетилова совершенно особаго рода, и Чацкій зло подсмѣивается надъ нимъ. Благодаря этому-то обстоятельству, роли Репетилова, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, суждено было вскорѣ получить особое значеніе въ судьбѣ самого автора. „Такъ какъ Грибоѣдовъ былъ со многими изъ декабристовъ въ болѣе или менѣе близкихъ отношеніяхъ, сообщаетъ намъ одинъ изъ современниковъ и близкихъ людей къ нашему писателю, то говорили, что сцена Репетилова съ Чацкимъ послужила къ оправданію Грибоѣдова, выказывая его непричастность къ намѣреніямъ нѣкоторыхъ изъ членовъ союза благоденствія“. Чрезвычайно счастливая доля Грибоѣдова въ развязкѣ дѣла декабристовъ, стараніе главныхъ изъ нихъ выгородить его на слѣдствіи изъ числа посвященныхъ въ тайну заговора, заявленіе ихъ, что они „берегли человѣка, который своимъ талантомъ могъ прославить Россію“, вмѣшательство въ дѣло вліятельныхъ лицъ, точно также щадившихъ его ради его таланта и особенно участіе одного изъ слѣдователей (по свѣдѣніямъ Русской Старины, г. Ивановскаго) дѣлаютъ весьма правдоподобнымъ, что пущена была искусно въ дѣло и ссылка на названную выше сцену изъ Горя отъ ума, хотя достаточно поверхностнаго знакомства съ этой сценой, чтобъ видѣть, что Чацкій нападаетъ собственно на наивность пріемовъ *хора* импровизированныхъ конспираторовъ въ родѣ князь-Григорія, Левона,

Бориньки и остальной умной компаніи Репетилова. „Секретнѣйшій союзъ, хвастается Репетиловъ.

Чаукій.

Ахъ, братецъ, я боюсь!

Какъ, въ клубъ?

Репетиловъ.

Именно!

Чаукій.

Вотъ мѣры чрезвычайныя,

Чтобъ въ зашеи прогнать и васъ, и ваши тайны.

Здѣсь нѣтъ ни одного намека на главныя личности союза, и насмѣшка распространяется лишь на „рѣшительныхъ людей“, которые шумятъ, шумятъ,—и только.

Мы не станемъ здѣсь обозрѣвать всѣ различныя намеки и болѣе или менѣе прямыя указанія на лица, отношенія и нравы современнаго общества, предпочтительно сосредоточенныя въ послѣднихъ двухъ дѣйствіяхъ комедіи. Это дѣло будущаго тщательнаго комментатора пьесы строка за строкою. Разобраться въ массѣ разнорѣчивыхъ объясненій тѣмъ труднѣе, что сами старожилы не всегда согласны между собой въ своихъ показаніяхъ. Впрочемъ въ новѣйшее время, особенно благодаря нашимъ историческимъ журналамъ, указано и объяснено нѣсколько подобныхъ мѣстъ. Мы узнали наприм. въ томъ страстномъ любителѣ театра, который посадилъ въ засаду слугу и заставилъ его зимой шелкать соловьемъ, помѣщика Познякова ³⁵⁾, собственника извѣстнаго театра на Никитской, гдѣ въ 1812 году давала свои представленія наполеоновская труппа; въ помѣщикѣ-театралѣ, продавшемъ разъ гуртомъ всѣхъ своихъ вѣрнопостныхъ амуровъ и зефиоровъ узнали генерала Измайлова, о звѣрскомъ обращеніи котораго съ крестьянами говорить напечатанное недавно ³⁶⁾ современное судебное дѣло; въ чудакѣ-аристократѣ, котораго тетка рекомендуетъ: „Онъ химикъ, онъ ботаникъ, князь Фе-

доръ, мой племянникъ“, узнали Яковлева, двоюроднаго брата Герцена ³⁷⁾ и т. д. Гораздо болѣе общее значеніе имѣютъ нѣсколько бѣглыхъ штриховъ, очевидно включенныхъ въ комедію уже передъ окончаніемъ ея и прямо бьющихъ на реакціонный потокъ, который Грибоѣдовъ засталъ по возвращеніи своемъ въ полномъ разлитіи. Въ нападкахъ княгини Тугоуховской на педагогическій институтъ и его еретиковъ-профессоровъ слышится отголосокъ только что миновавшей исторіи профессоровъ Арсеньева, Раушаха, Галича; въ томъ чахоточномъ родственникѣ Фамусова, врагѣ книгамъ, который поселился въ ученый комитетъ и требовалъ присягу, чтобъ никто грамотѣ не зналъ и не учился, вскользь очерченъ весьма распространенный въ то время типъ подражателей Магницкому; Арачьевщиной вѣсть отъ возвѣщаемаго Скалзубомъ проекта преобразования лицеевъ и гимназій, „гдѣ будутъ лишь учить по нашему: разъ, два“, въ выходкѣ Хлестовой противъ ланкастерскихъ школъ слышится отзывъ сильнаго нерасположенія къ этимъ, вначалѣ открыто покровительствуемымъ властями, школамъ, которымъ уже императоръ Александръ приписывалъ главную вину въ бунтѣ семеновскаго полка ³⁸⁾ и которыя, послѣ быстраго развитія, составляющаго любопытный эпизодъ въ исторіи русской народной школы, были постепенно доведены до закрытія.

Когда наконецъ Грибоѣдовъ почувствовалъ, что идея вполнѣ созрѣла и пора творчества настала для него, онъ поспѣшилъ удалиться отъ городского шума; какъ первыя два дѣйствія были написаны въ сторонѣ отъ людей, далеко отъ всего развлекающаго вниманіе, такъ и послѣднія дѣйствія написаны въ русской деревнѣ, именно въ имѣніи Бѣгичева, селѣ Дмитріевскомъ, Тульской губерніи, Ефремовскаго уѣзда, куда Грибоѣдовъ въ концѣ Мая или началѣ Іюня 1824 года пріѣхалъ

³⁵⁾ Русск. Арх. 1873, № 10, «Выдержки изъ стар. записн. книжки».

³⁶⁾ Генер. лейт. Измайловъ, дѣдовск. помѣщикъ. Рус. Стар. 1872, XII.

³⁷⁾ Записки Пассея. Русск. Старина 1872. XII, 625.

³⁸⁾ Пышинъ, Общественное движеніе при Алекс. I. 1871, стр. 357.

вслѣдъ за своимъ другомъ. Здѣсь онъ уединялся для работы, избравъ для этого бесѣдку въ саду, вставалъ рано, днемъ сходилъ съ домашними только во время обѣда, но за то вечеромъ читалъ имъ написанное въ тотъ день. Сложивъ для себя, какъ мы уже видѣли, свою несложную поэтику, главная мысль которой состояла въ освобожденіи творчества отъ гнета старой теоретической рутинны и въ направленіи творческой силы на новые пути, онъ шелъ совершенно вразрѣзъ со всѣми литературными приѣмами окружавшей его среды. „Я какъ живу, такъ и пишу свободно“, пишетъ онъ Катенину и говоритъ вполне искренно. Онъ уже до того сжилъ съ своими героями, до того ясно видѣлъ ихъ передъ собою, что давалъ смѣло волю своей кисти, не опасаясь ошибокъ³⁹⁾. За то, какъ свидѣтельствуемъ г. Смирновъ, имѣвшій подъ руками первоначальный текстъ комедіи, писанный для Бѣгичева наполовину рукой самого Грибоѣдова въ деревнѣ (приведенные выше варианты взяты изъ него), онъ чрезвычайно тщательно, съ чисто Пушкинскою добросовѣстностью работалъ надъ своимъ слогомъ, десятки разъ мѣняя одну и ту-же фразу, пока она не удовлетворяла наконецъ вполне его требованію. Иначе и невозможно было-бы перейти ему отъ казеннаго водевильнаго слога его прежнихъ драматическихъ бездѣлокъ къ гибкому и живому разговорному языку Горя отъ ума, въ такой степени возмущавшему своею непринужденностью и часто неправильностью современныхъ пуристовъ.

Возвратившись въ Москву, Грибоѣдовъ въ началѣ очевидно не расположенъ былъ вовсе подѣлиться съ кѣмъ-бы то ни было своимъ новымъ произведеніемъ. Оно оставалось достояніемъ небольшого родственнаго и друже-

³⁹⁾ Пушкинъ первый, кажется, оцѣнилъ своеобразность направленія Грибоѣдова, говоря въ известномъ своемъ письмѣ о Горѣ отъ ума (изд. Анненк. I, 128): «Драматическаго писателя должно судить по законамъ, имъ самимъ надъ собою признаннымъ,—слѣдственно не осуждаю ни плана, ни завязки, ни причинъ комедіи Грибоѣдова».

скаго кружка, откуда на первое время вѣсть о немъ никуда не проникала. Случилось (какъ рассказывала Марья Сергѣевна) ихъ близкому знакомому, графу Вельгорскому, не посвященному въ тайну, какъ-то разъ, перебирая ноты на фортепиано Марьи Сергѣевны, найти между ними листокъ-другой стиховъ ея брата, ему неизвѣстныхъ; онъ прочелъ ихъ, заинтересовался, напалъ на слѣдъ всей рукописи, ни за что не хотѣлъ разстаться съ нею, посылалъ съ нею повсюду и такимъ образомъ первый распространилъ извѣстность Горя отъ ума. Дѣлать было нечего, тайна была раскрыта, и нужно было смѣло идти на встрѣчу всѣмъ случайностямъ приѣма комедіи публикой. Тутъ само собою должно было усилиться въ Грибоѣдовѣ то искушеніе добиться постановки пьесы на сценѣ, о которомъ онъ говорилъ въ приведенномъ выше черновомъ отрывкѣ. Восторженные крики сочувствія, поднимавшіеся вокругъ него, какъ-бы поддразнивали его выступить съ своей комедіей передъ сочувственной толпой, опираясь на могущественное содѣйствіе сценическаго искусства. Подпадая искушенію, Грибоѣдовъ спѣшитъ въ Петербургъ и принимаетъ еще лѣтомъ 1824 года⁴⁰⁾ хлопотать о принятіи комедіи на сцену; но тамъ новая работа ожидаетъ его. Очевидною становится необходимость сдѣлать, ради цензурныхъ соображеній, много измѣненій въ пьесѣ, ослабить слишкомъ рѣзкія мѣста или даже исключать ихъ. Это было настоящей пыткой для автора. „Надѣюсь, жду, урѣзываю, мѣняю дѣло на вздоръ, пишетъ онъ Бѣгичеву⁴¹⁾, такъ что во многихъ мѣстахъ моей драматической картины яркія краски совсѣмъ... сержусь и возстановляю стертые, такъ что, кажется, работѣ конца не будетъ; но будетъ же, добьюсь до чего-нибудь“. Но начатый поневолѣ пересмотръ комедіи повлекъ за собой не одни передѣлки въ цензурномъ отношеніи. Нѣкоторые стихи все еще ка-

⁴⁰⁾ Библиограф. Записки 1861 № 19. Изъ писемъ В. А. Каратыгина къ Катенину.

⁴¹⁾ Письма, изд. Общ. Люб. Слов., стр. 17.

жуются автору недоделанными; онъ принимается за окончательную ихъ обдѣлку и, по собственнымъ словамъ его, слишкомъ восемьдесятъ стиховъ перемѣнилъ, пока сдѣлалось гладко, какъ стекло. Рѣчи и разговоры, показавшіяся ему слишкомъ растянутыми, онъ жгаль въ видахъ усиленія эффекта, о чемъ читатель можетъ самъ судить изъ сравненія печатаемыхъ ниже пространныхъ выдержекъ изъ первой рукописи съ извѣстнымъ публикѣ текстомъ. Въ послѣднемъ также является въ качествѣ новой вставки сцена заигрыванья Молчалина съ Лизой въ послѣднемъ актѣ передъ появленіемъ Софьи; эта сцена, основная цѣль которой состоитъ въ изложеніи безстыдной *profession de foi* Молчалина, чрезвычайно художественно дорисовывающей его характеръ, задумана, по словамъ того-же письма, Грибоѣдовымъ въ дорогъ передъ самымъ Петербургомъ и написана въ день проѣзда: „живая, быстрая вещь, стихи искрами посыпались“. При помощи такихъ вставокъ и измѣненій составила наконецъ послѣдняя редація комедіи. Ровно полвѣка тому назадъ Горю отъ ума было окончено.

Но въ то время, какъ восторгамъ, возбужденнымъ комедіею, не было границъ, и Грибоѣдова носили на рукахъ, особенно въ Петербургѣ, гдѣ онъ по нѣскольку разъ *взъ день* читалъ піесу въ различныхъ домахъ, при чемъ часто, увлекаясь, импровизировалъ во время чтенія многія мѣста, — раздавалось раздраженное, злобное шипѣніе лицъ, затронутыхъ комедіею за живое, либо спѣшившихъ узнать себя въ дѣйствующихъ ея лицахъ, либо вступившихъ за честь порядочнаго общества, за честь Москвы, русскаго имени, за нравственность и т. д. Одни подзадоривали Американца-Толстаго, котораго всѣ поспѣшили узнать въ ночномъ разбойникѣ и дуэлистѣ Репетиловскаго разсказа, вызвать автора на дуэль. Другіе, болѣе искусные, постарались дѣйствовать на вліятельныя сферы, черня передъ ними намѣренія Грибоѣдова и указывая на общественную опасность его произведенія. Такъ по неизданнымъ Запискамъ Жихарева, кото-

рыми пользовался Смирновъ, тогдашній директоръ московскихъ театровъ Кокошкинъ представлялъ извѣстному генералъ-губернатору Москвы князю Д. В. Голицыну, что Горю отъ ума есть прямой пасквиль на Москву. Литература съ своей стороны не отставала. Въ то время, какъ многіе сторонники старой школы нападали на комедію преимущественно съ теоретической точки зрѣнія и во главѣ ихъ Карамзинъ⁴²⁾, на сужденіи котораго отражалось, быть можетъ, также и измѣненіе въ политическихъ воззрѣніяхъ сравнительно съ убѣжденіями молодости, — находились люди, которые предпочитали дѣйствовать изъ-за угла, осыпая и автора, и комедію голословною бранью, свидѣтельствовавшюю лишь о неумѣренномъ раздраженіи писавшихъ. Таковъ напр. характеръ одной эпиграммы, пущенной въ то время по рукамъ и, сколько намъ извѣстно, до сихъ поръ ненапечатанной:

Не говори, что дважды два четыре, —
Я Горю отъ ума тебѣ при семь пришло.
Четыре акта въ немъ — и ровно всѣ четыре
Равны не дважды двумъ, а одному нулю.

Молодой и очень талантливый водевилистъ А. Писаревъ, способности котораго признавалъ и самъ Грибоѣдовъ, узнавшій его при посредствѣ князя В. Ѳ. Одоевскаго, выступилъ также противъ Горю отъ ума, побуждаемый, кажется, скорѣе болѣзненно-раздражительной насмѣшливостью и какою-то привычкою остроумничать во что-бы то ни стало. Въ стихотворной пародіи на Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ, посвящей названіе: „Пѣвецъ на бивакахъ у подошвы Парнаса“⁴³⁾, онъ немножко въ стилѣ Восейковскаго Дома сумасшедшихъ проводитъ современныхъ литераторовъ одного за другимъ сквозь строй его болѣе или менѣе неудачныхъ остротъ. Князю П. А. Вяземскому досталось за то, что „Полякъ его“⁴⁴⁾ героемъ былъ, а *музой Грибоѣдовъ*; мѣсто-же, относящееся къ Горю отъ

⁴²⁾ Драматич. Сборникъ. 1860 г. Театральн. воспом. Зотова, глава X, стр. 14.

⁴³⁾ Библиографич. Записки 1859 года № 20.

⁴⁴⁾ Мицкевичъ?

ума (ему предшествуютъ нападки на прежнія произведенія Грибоѣдова), звучить слѣдующимъ образомъ:

Давно-ли Горе отъ ума
 Всѣхъ умныхъ огорчило?
 Въ немъ мало смыслу, мыслей тьма,
 И писано премило.
 Хоть Чацкій годенъ въ желтый домъ,
 Хоть стоитъ быть повѣшенъ,
 Хоть въ немъ съ французскимъ языкомъ
 Нижегородскій смѣшанъ,
 Никто объ немъ не думалъ знать,
 Никто объ немъ не слышалъ;
 Но, чтобъ комедію читать,
 Поэтъ въ отставку вышелъ.

Пока піеса не была еще напечатана, сколько-нибудь серьезные ея разборы не могли имѣть мѣста. Но уже оттачивались перья борзописцевъ, которые съ яростью набросились на автора и его комедію, когда въ 1825 г. Русская Талія помѣстила у себя первые отрывки ея, произвольно взятые изъ различныхъ ея актовъ. Но обзоръ оригинальной полемики, въ которой тонъ нападающихъ мало чѣмъ разнился отъ тона приведенныхъ бранныхъ стиховъ, обзоръ полемики Вѣстника Европы съ Сыномъ Отечества и Московскимъ Телеграфомъ завелъ-бы насъ за предѣлы нашей статьи. Грибоѣдовъ не принималъ въ спорѣ никакого участія, удерживая отъ этого и ближайшихъ друзей своихъ, называя борьбу ребяческою, школьною; такимъ образомъ застрѣльщиками грибоѣдовскаго лагеря выступали по собственному влеченію молодые, начинавшіе писатели, (Одоевскій, Сомовъ и друг.) сознательно примкнувшіе къ новому направленію, водворяемому комедіей и считавшіе своимъ долгомъ выступить на ея защиту.

Сильное неудовольствіе, вызванное комедіей въ знатныхъ сферахъ, подпольные происки во вредъ ей, явныя жалобы и анонимная брань повліяли въ значительной степени на отношеніе лицъ, власть имѣвшихъ, къ ходатайству Грибоѣдова о принятіи Горя отъ ума на сцену. Тонкія политическія соображенія сдѣлали исполненіе этой просьбы невозможнымъ, несмотря на то, что ее подкрѣпляли съ своей стороны вліятельныя личности.

Грибоѣдовъ долго все еще почему-то надѣялся на успѣхъ; на талантливую молодую актрису Дюрову (впослѣдствіи Каратыгину) онъ разсчитывалъ какъ на прекрасную исполнительницу роли Софьи; Сосницкому и Щепкину давалъ совѣты, какъ передавать характеры лицъ, наиболѣе подходившихъ къ свойствамъ ихъ таланта, — Репетилова и Фамусова. Наконецъ ему пришлось убѣдиться въ невозможности одолѣть препятствія. Прежде, какъ мы видѣли, такъ радовавшійся впередъ возможности слышать свои стихи на сценѣ, онъ долженъ былъ бросить навсегда надежду и сильно приунылъ. Въ это время ученики петербургской театральной школы тайкомъ отъ главнаго начальства, но съ вѣдома добрака инспектора школы, устраивали промежъ себя ученическіе спектакли, на которыхъ шли піесы, не исполняемыя на казенной сценѣ, пародіи и т. д. Главными распорядителями этихъ спектаклей были извѣстные впослѣдствіи актеры петербургскихъ театровъ, Петръ Каратыгинъ и Григорьевъ. Грибоѣдовъ, быть можетъ, узнавшій объ этихъ спектакляхъ отъ князя Шаховскаго, бывшаго въ то время преподавателемъ драматическаго искусства въ школѣ, неразъ приходилъ на импровизированныя представленія. Когда появилось Горе отъ ума, молодежь предложила ему сыграть ея піесу на ученическомъ театрѣ⁴⁵⁾; онъ согласился и руководилъ репетиціями, приводя съ собою Александра Бестужева и Кюхельбекера. „Надо было видѣть, говоритъ г. Каратыгинъ, съ какимъ простодушнымъ удовольствіемъ онъ потиралъ себѣ руки, видя свое Горе отъ ума на нашемъ ребяческомъ театрѣ“. Но, когда день спектакля былъ уже назначенъ, налетѣла внезапная гроза, и по приказанію дирекціи (и именно Милорадовича, имѣвшаго свои счеты съ Грибоѣдовымъ по соперничеству въ одной романической исторіи) представленія были прерваны.

Обыкновенно думаютъ, что Грибоѣдову такъ

⁴⁵⁾ А. С. Грибоѣдовъ, изъ Записокъ П. А. Каратыгина Русск. Стар. 1872, III, с. 424—25.

и не удалось никогда увидеть на сценѣ свою комедію. Это несомнѣнъ вѣрно. То-же почтенное лицо, которому мы обязаны нѣкоторыми уже приведенными свѣдѣніями о Горѣ отъ ума, сообщило намъ слѣдующее любопытное извѣстіе о единственномъ представленіи Горы отъ ума, на которомъ присутствовалъ Грибоѣдовъ. „Начальникъ 20-й пѣхотной дивизіи, занимавшей съ 1827 года Эриванскую область, Аван. Ив. Красовскій, въ постоянно заботливости о пользѣ, удобствахъ и даже удовольствіи подчиненныхъ, устроилъ въ Эривани театръ, на которомъ офицеры давали представленія отборныхъ піесъ, и въ томъ числѣ Горы отъ ума, не бывшаго еще въ печати, а распространеннаго въ рукописяхъ. Въ прозѣ изъ Тавриза черезъ Эривань Грибоѣдова просили посѣтить спектакль и высказаться обо всемъ, что замѣтитъ онъ удачнаго и неудачнаго въ исполненіи, и онъ обязательно выражалъ свои мнѣнія“. Представленія эти, прибавляетъ нашъ корреспондентъ, продолжались недолго и были закрыты по приказанію графа Паскевича Эриванскаго.

Такъ оба исполненія піесы при жизни Грибоѣдова отмѣчены были особыми обстоятельствами, вполне характеризующими исключительность взглядовъ на нее въ тогдашнихъ руководящихъ сферахъ. Разъ ее чуть не сыгнали исподтишка школьники, въ другой разъ ей удалось выйти на волю на самой границѣ Азіи, въ кружкѣ армейскихъ офицеровъ. А между тѣмъ вся грамотная Россія давно уже зачитывалась комедію, и десятки тысячъ рукописныхъ экземпляровъ ея проникали въ отдаленнѣйшіе уголки!

Мы остановимъ здѣсь предпринятый очеркъ *первоначальной* исторіи Горы отъ ума, оговариваясь, что отнюдь не считаемъ такой первый опытъ свода данныхъ о постепенномъ развитіи этого произведенія имѣющимъ притязаніе на полноту и систематичность. Мы хотѣли лишь внести больше свѣта въ хаотическую массу накопившагося матеріала и въ то-же время содѣйствовать лучшему разумѣ-

нію того произведенія, которое *одно* навѣки поставило автора въ число избранныхъ нашихъ писателей. Потомство будетъ знать Грибоѣдова *только* какъ автора Горы отъ ума. Много лѣтъ, какъ мы видѣли, пошло на созданіе этой одной комедіи, унесшей съ собою всю живость, все искрометное остроуміе Грибоѣдова. Но ею онъ свершилъ великое въ его жизни дѣло; ея отблескъ падаетъ и на всю его позднѣйшую жизнь, жизнь самоотверженнаго, совѣстливаго труда, и многое въ ней извиняется и оправдывается; имъ озаряется его жизнь даже тогда, когда, утомленный, онъ спускался подъ гору. „Взгляни“, сказалъ разгадавшій въ немъ эту сторону поэтъ ⁴⁶⁾,

Взгляни на лицъ холодный сей,
Взгляни: въ немъ жизни нѣтъ;
Но какъ на немъ бывлыхъ страстей
Еще замѣтенъ слѣдъ!
Такъ ярыи токъ, оледенѣвъ,
Надъ бездною висеть,
Утративъ прежній грозный ревъ
Храня движенья видъ.

Алексій Веселовскій.

Москва.
5 Апрѣля.

ВАРИАНТЫ КЪ ГОРЮ ОТЪ УМА.

Въ предшествующей статьѣ приведено было уже нѣсколько вариантовъ къ Горю отъ ума, съ обозначеніемъ, что они извлечены изъ первоначальнаго текста комедіи. Это названіе мы присвоиваемъ списку ея, подаренному авторомъ Бѣгичеву тотчасъ-же по окончаніи ея въ его деревнѣ. Его собственной рукой написаны, по словамъ г. Смирнова, самое начало комедіи, рассказъ Софьи о ея снѣ и многія сцены четвертаго акта. Остальное написано рукой переписчика. Полагаемъ, что, ради важности этого *первообраза* многихъ важнѣйшихъ мѣстъ комедіи для ея исторіи и для будущихъ сводныхъ ея изданій, мы можемъ извлечь эти драгоцѣнныя разнорѣчія изъ извѣ-

⁴⁶⁾ Сочиненія Е. А. Баратынскаго. М. 1869, стр. 70: Надпись на портретѣ Грибоѣдова.

стнаго уже читателю рукописнаго собранія матеріаловъ.

Въ первомъ актѣ самое крупное разнорѣчіе составляетъ только что упомянутый разговоръ Софьи о ея снѣ. Онъ отличается значительною въ сравненіи съ позднѣйшимъ текстомъ пространностью и обиліемъ фантастическихъ описаній, и, вѣроятно, измѣненъ и сокращенъ вслѣдствіе того, что могъ слишкомъ замедлить дѣйствіе. Вотъ этотъ разговоръ (дѣйствіе 1-е, явленіе 4-е):

Въ саду была; цвѣты безсчетно тамъ пестрѣли.

Искала я, мнѣ чудилось, траву
Вакую-то, не вспомню на яву,
Въ ирисахъ, въ бархатцахъ, въ левкояхъ и
въ синели,—

Да гдѣ ихъ всѣ назвать!

Приподнялась.... вдругъ кѣмъ-то по неволѣ
Изъ саду выхвачена въ поле.

Передо мной, — откуда ни взялся, —

Премилый человѣкъ, одинъ изъ тѣхъ, кого мы
Увидимъ—будто вѣкъ знакомы.

Былъ робокъ онъ сперва, потомъ въ любви
клялся,

Потомъ..... не взвидѣла я свѣта.....

Фамусовъ.

Какая небылица эта?

И милый человѣкъ, кто онъ?

Софья.

Я вамъ докладываю — сонъ.

Вотъ, послѣ этого садъ, поле, все пропало.

Мы въ комнатѣ, въ пустой, вдвоемъ.

Намъ очень грустно, горько стало;

Тужили мы, Богъ вѣдаетъ о чемъ....!

И тутъ, къ пріумноженью скуки,

Отъ фортепянь и флейты издали

Печальные къ намъ прорывались звуки;

Отъ нихъ, унылые.....

Фамусовъ.

Неужли?

Я то-же слышалъ, и такъ ярко

(Указывая на Лизу)

Къ разсвѣту я не спалъ, а все она, штукарка.

Софья.

Такъ, будто-бы середь тюрьмы
И я, и другъ мой новый,
Грустили долго, долго мы;
Онъ все ропталъ на жребій свой суровый,
Что не къ добру любовь его манить,
Что не богатъ и всѣмъ не угодить....

Фамусовъ.

Ахъ, матушка! не довершай удара!
Кто бѣденъ, тотъ тебѣ не пара.

Софья.

Все это сонъ. Дослушайте, каковъ.
Какъ между думъ и между словъ
Забылись мы, и шли часы покуда,—
Полъ вскрылся.... встали вы оттуда....
Смерть на щекахъ и дыбомъ волоса!
Тутъ разное смѣшенъе, чудеса,
Полкъ всякихъ лицъ, раздался звукъ побо-
ищъ....

Вы въ пропасть за собой меня влекли,
Насъ провожаютъ стонъ, ревъ, хохотъ, свистъ
чудовищъ.

Онъ вслѣдъ кричить.....

Проснулася—здѣсь кто-то говорить,
Прислушалась—вашъ голосъ. Что такъ рано?
Бѣгу сюда и васъ обоихъ нахожу....

Въ сценѣ между Софьей и Лизой (явленіе 5-е) кромѣ небольшихъ различій чисто редакціоннаго свойства является нѣсколько новыхъ чертъ, характеризующихъ прежнія отношенія Софьи къ Чацкому.

Лиза.

Ушли они..... тоскуйте на досугѣ.
Вотъ вамъ и другъ, толкуйте-ка о другѣ!
Въ глазахъ темно, и замерла душа....
Грѣхъ не бѣда, молва не хороша!

Софья.

Предвижу я, достанется терпѣть.
Мнѣ не страшна людская слава,
Да какъ теперь успѣтъ
Укрыть себя отъ батюшкина нрава?

Несправедливъ и недовѣрчивъ, скоръ.
Таковъ всегда, а съ этихъ поръ,
Ты можешь посудить, ужъ будутъ намъ го-
ненья!

Лиза.

Какъ всѣ московскіе, вашъ батюшка таковъ;
Желалъ-бы онъ звѣзду на зятѣ,
А кто въ звѣздахъ,—не всѣ богаты (*sic!*).
Такъ видите-ль, къ тому-бъ
Доходцы были чтобъ не малы.
Вотъ, напримѣръ, полковникъ Скалозубъ—
И золотой мѣшокъ, и метить въ генералы.

Софья.

Куда хорошъ! Толкуетъ все про честь,
Про шпаги и кресты..... Крестовъ не пере-
честь!

Онъ слова умнаго не выговорилъ съ роду.
Мнѣ все равно, что за него, что въ воду.

Лиза.

Да-съ, правду молвить, не хитеръ.
Но, будь военный, будь онъ статскій,
Кто-жъ весель, и уменъ, и ловокъ, и остеръ,
Какъ не Александръ Андреичъ Чацкій?
Теперь другой вамъ больше милъ;
А, помнится, онъ не противенъ былъ.

Софья.

Не потому-ли, что такъ славно
Зло говорить умѣть обо всѣхъ?
А мнѣ оно забавно....
Дѣлить со всякимъ можно смѣхъ.

Лиза.

А чѣмъ былъ плохъ вашъ прежній вкусъ-то?

Софья.

Чѣмъ? Прежде я не знала никого,
Съ кѣмъ сердце не бываетъ пусто.
Теперь Молчалинъ мой..... Какъ не любить
его?

Какъ будто свыклись съ малолѣтства!
Грущу—онъ безъ ума помочь мнѣ ищетъ
средства;

Смѣюсь, тужу ни по чему,
Посмотришь, въ томъ и жизнь и смерть ему!
Безпечна я—онъ за меня боится,
Задумаюсь—онъ прослезится.

VI. 7.

Лиза.

Чтожъ, Александръ Андреичъ? Нѣтъ?
Не та-жъ любовь, хотъ разнаго покроя?
Вотъ съ нимъ-то прямо съ малыхъ лѣтъ
Росли, рѣзвились вѣчно вдвое.

Софья.

Спроси его, привязанъ онъ къ чему,
Окромѣ шутки, вздора?
Всѣмъ въ прихоть жертвуетъ уму.
Что встрѣча съ нимъ у насъ, то ссора.

Лиза.

Гдѣ носится, изъ края въ край?
Лечился на водахъ отъ груди,
Отъ скуки, чай? ¹⁾

Софья.

И вѣрно радъ, гдѣ посмѣшише люди.

Далѣе почти какъ въ печатномъ текстѣ.—
Вариантъ разговора Скалозуба съ Фамусовымъ
(2-е дѣйствіе, 5-е явленіе) нами почти весь
приведенъ въ статьѣ. Отмѣтимъ только его
окончаніе (послѣ словъ: „Объ нашемъ хотъ
сказать бригадномъ генералѣ“).

Фамусовъ.

Помилосердуйте! Въ крестахъ ли недочетъ?

Скалозубъ.

Шесть-семь ихъ у меня; да еслибъ было де-
сять,

Не худо-бы еще одинъ привѣсить.

Страстная выходка Чацкаго, не могущаго
долѣе выносить беззащѣтнаго восхваленія
старой морали, выходка, начинающаяся сло-
вами: „А судьи кто?“ въ первоначальномъ
текстѣ несравненно обширнѣе; именно вмѣсто
первыхъ восьми стиховъ въ немъ находимъ
двадцать восемь. Впрочемъ они слегка зачер-
кнуты, какъ будто самъ авторъ былъ въ не-
рѣшительности, не оставить-ли навсегда въ
комедіи эти горячія рѣчи, по нашему, мнѣнію,
идуція подъ стать къ лучшимъ патетическимъ
мѣстамъ въ роли Чацкаго и дышанція непод-
дѣльнымъ обличительнымъ жаромъ:

¹⁾ Въ принадлежащемъ намъ рукописн. экзempl. Горя отъ ума это мѣсто читается нѣсколько иначе: «не отъ болѣзни, чай, отъ скуки; повольте.....» Т. е. тамъ легче вылечиться отъ скуки, тамъ свободнѣе живется.

Какъ истинно: въ Москвѣ всему своя печать.
 Есть добродѣтели, которыя хоть стары,
 А продолжаютъ вѣковать,
 Преодолевъ и моды, и пожары.
 Чтобъ не трудить себѣ ума,
 Мы скажемте: все нынче какъ бывало....
 И прежде были тѣжъ открытыя дома,
 Вводили все, что ни попало,
 Ъсть, пить и предавать на судъ
 Столовъ убранство, роскошь блюды;
 А путешественникъ не разъ середь обѣда,
 Тишкомъ разгадывалъ на лбу
 Иного земляка-сосѣда,
 Что былъ провинченъ онъ къ позорному
 столбу.

Вамъ нравится въ сынахъ отцовское наслед-
 ство:

И прежде имъ плелись подобные вѣнки.
 Людми считались съ малолѣтства
 Патрициевъ дворянскіе сынки.
 Въ заслуги ставили имъ души родовыя,
 Любили ихъ, ласкали ихъ
 И причитались къ нимъ въ родные.
 Когда теперь соборы всѣхъ съдыхъ
 Бранять, чего не разумѣютъ,
 А рѣдко путное затѣютъ,—
 Всегда готовые къ журбѣ,
 Пѣвали прежде пѣсню туже,
 Не замѣчая о себѣ,
 Чѣмъ старѣе, тѣмъ хуже.

Наряду съ такими обширными отмѣнами мы
 встрѣчаемъ иногда и мелкіе штрихи, которые
 однако придаютъ либо особую силу выраже-
 нію, впоследствии смягченному, либо болѣе
 опредѣленный характеръ тому или другому
 намеку. Такъ въ нападки на поклоненіе мун-
 диру (въ концѣ приведенной рѣчи Чацкого)
 вмѣсто сравнительно-умѣренного выраженія:

„Когда-то укрывалъ—расшитый и красивый—
 Ихъ слабодушіе, разсудна нищету“,

встрѣчаемъ болѣе безпощадный отзывъ:

Когда-то прикрывалъ пристойно и красиво
 Ничтожность, пустоту порока, глупость ихъ.

Съ другой стороны въ словахъ Скалозуба,
 оставшагося наединѣ съ Чацкимъ, заступни-

чество за первую армію передъ притязаніями
 гвардейцевъ первоначально было облечено въ
 такую характерную форму, которая вполне
 дорисовывала Скалозуба, какъ одного изъ фа-
 натическихъ поклонниковъ солдатской выправ-
 ки и шагистики:

А въ первой арміи какъ выправленъ солдатъ!
 Мундиры пригнаны по тальямъ, всѣ въ об-
 хватъ,

И платья нижнія облѣплены, такъ узки,
 Въ шагъ доходятъ какъ ни въ чемъ;
 И офицеровъ вамъ начтемъ и т. д.

Къ такого-же рода разнорѣчіемъ относит-
 ся и набросанный вскользь, но мастерски, си-
 луэтъ мужа той „извѣстной Татьяны Юрьев-
 ны (первоначально Дмитріевны), которую такъ
 восторженно восхваляетъ Молчалинъ. Нѣтъ
 сомнѣнія, что это опять прямой снимокъ съ
 какого-нибудь опредѣленнаго оригинала:

Татьяна Дмитревна! Ея извѣстенъ домъ.
 Живетъ по старинѣ и рождена въ боярствѣ.
 Мужъ занимаетъ постъ изъ первыхъ въ го-
 сударствѣ,

Любезенъ, лакомка до вкусныхъ блюды и винъ,
 Съ женой въ ладу, по службѣ ею дышетъ:
 Она прикажетъ—онъ подпишетъ.....
 Къ Татьянѣ Дмитревнѣ вы съѣздите.

Въ 13-омъ явленіи 3-го акта, въ разгово-
 рѣ Чацкого съ Софьей на балу, гдѣ онъ въ
 неудержимой досадѣ набрасываетъ ей оттал-
 кивающую характеристику своего соперника-
 Молчалина, въ первоначальномъ текстѣ была
 небольшая подробность, указывающая, что по
 замыслу пьесы Чацкій не долженъ былъ огра-
 ничиваться одними упреками и колкостями въ
 виду явной измѣны любимой имъ дѣвушки:
 не одно благородное негодованіе, но и жажда
 мести должна была пробудиться въ немъ. Ска-
 завъ вмѣсто двухъ послѣднихъ стиховъ на-
 званнаго явленія слѣдующіе:

Чего не ожидать при этомъ нравѣ кроткомъ,
 При свойствѣ угождать племянницамъ и тет-
 камъ!

онъ прибавляетъ на ухо ей: „О, давшнее
 вамъ такъ даромъ не пройдетъ!“—Мы сей-

часть увидимъ, въ первообразѣ предпоследней сцены комедіи, что Софья объясняетъ себѣ внезапное появленіе Чацкаго въ швейцарской именно исполненіемъ этой угрозы. Оба эти мѣста, придававшія, какъ видимъ, особый отънокъ настроенію Чацкаго въ послѣднихъ двухъ актахъ, были уничтожены, такъ какъ дѣйствительно не согласуются съ основными чертами характера героя пьесы.

Мы не приводимъ вполнѣ разнорѣчій къ извѣстному монологу Чацкаго о встрѣчѣ съ французикомъ изъ Бордо, такъ какъ отличія заключаются лишь въ замѣнѣ одного слова другимъ или въ большей гладкости риемы. Укажемъ лишь на болѣе пространныя отмѣны. Начало звучитъ такъ:

Въ той комнатѣ простѣйшій случай:
Французикъ изъ Бордо былъ окруженъ звѣ-
важъ

И слушательницъ кучей.
Къ своимъ приравнивалъ онъ насъ, что точ-
но такъ

На все готовы мы: нѣтъ дѣла до послѣдствій,
Все только-бы шутя, рѣзвась.
Отъ нашихъ гладенькихъ онъ фразъ,
Отъ нашихъ кругленькихъ привѣтствій
Воображаетъ быть въ отечествѣ своемъ,
И прочее.... Утихъ, и тутъ по немъ,
Объ южной Франціи, о берегахъ Гаронны
Заохали,—урокъ сзидѣтства натвержень!

Кромѣ того обратимъ вниманіе, что патетическое обращеніе къ старинѣ вначалѣ слѣдовало безъ всякихъ оговорокъ вслѣдъ за попричаніемъ общей подражательности:

Неужли у себя для нашихъ нѣтъ желаній
Семейныхъ прелестей, родныхъ воспоминаній?

И чѣмъ нашъ Сѣверъ лучше сталъ,
Что все завѣтное наслѣдье промѣнялъ? и т. д.

тогда какъ въ окончательномъ текстѣ, какъ будто подъ вліяніемъ опасенія, что за эту выходку его причтутъ въ число крайнихъ поклонниковъ старины, Грибоѣдовъ со всегдашней своей откровенностью идетъ на встрѣчу подобному обвиненію и прибавляетъ слова:

„Пускай меня объявятъ старовѣромъ, но хужедля меня нашъ Сѣверъ во сто кратъ“ и т. д.

Намъ осталось познакомить съ нѣсколькими вариантами четвертаго дѣйствія, наиболѣе богатаго ими. Съ двумя изъ нихъ (словами Скалозуба объ учености и выходкой Репетилова противъ правительства) мы встрѣтились выше. Наравнѣ съ ними по меткости остроумія стоитъ слѣдующій разговоръ Репетилова съ Хлестовой (послѣ словъ „неизлѣчимъ, хоть брось!“):

Хлестова.

Ночные шатуны! Вишь, говорятъ, женате (*sic!*)
За чѣмъ пожаловалъ? Чтобъ посмотреть, небось,

Красивъ-ли Фамусовъ въ халатѣ?

Всѣ, всѣ разѣхались.

Репетиловъ.

Браните, бейте! Ахъ!

Апфиса Карповна ¹⁾! Я самъ себя гнушаюсь:
Пустой я человѣкъ, шалунъ и вертопрахъ,
Чистосердечно, слезно каюсь!

Несчастье Чацкаго разительный урокъ,

Что не въ большомъ умѣ намъ прокъ.

Дѣтми займусь—и дѣло будетъ глаже.

Вселою въ нихъ Божій страхъ, и съ завтраш-
пяго дня-же

Остепенюсь,—моя жена

Ужъ болѣе не ляжетъ спать одна.

Хлестова.

Такъ видно никогда бѣдняжкѣ не ложиться!

Начало 10-го явленія 4-го акта является въ первообразѣ комедіи въ совершенно иномъ видѣ. Вариантъ этотъ едва-ли не замѣчательнѣйшій изъ всѣхъ по тому неподдѣльному, бьющему черезъ край, одушевленію, которое сказывается въ каждомъ словѣ Чацкаго, услышавшаго изъ своей засады о баснѣ, пуценной про него. Непонятна причина, ради которой это мѣсто не уцѣлѣло въ окончательной отдѣлкѣ и замѣнено было другимъ, гораздо слабѣйшимъ:

О праздный, жалкій, мелкій свѣтъ!

Не надо пиши,—сказку, бредъ

¹⁾ Въ печатномъ текстѣ Апфиса Ниловна.

Имъ лжець отпустить въ угожденье,
Глупецъ повѣрить, передастъ;
Старухи, кто во что гораздъ,
Тревогу бьютъ. . . . и вотъ общественное
мнѣнье!

И вотъ Москва! . . . Я былъ въ краяхъ,
Гдѣ съ горъ верховъ комъ снѣга вѣтеръ ска-
титъ,
Вдругъ—глыба этотъ снѣгъ, въ паденіи все
охватить,
Съ собой влечетъ, дробить, стираетъ камни
въ прахъ,
Гулъ, рокотъ, громъ, вся въ ужасѣ окре-
стность. . . .

Но что это въ сравненіи съ быстротой
Съ которой, чуть возникъ, ужъ приобрѣлъ из-
вѣстность
Московской фабрики слухъ вредный и пустой!
И вотъ та родина!

Въ нашей статьѣ мы уже сказали, на осно-
ваніи письма самого Грибоѣдова, что сцена
Лизы съ Молчалинымъ передъ развязкой ко-
медіи придумана имъ уже по окончаніи Горя
отъ ума; поэтому мы не только не находимъ
ея въ первоначальномъ текстѣ, но и осталь-
ное, столь живое дѣйствіе, видимъ значитель-
но болѣе сжатымъ и потому менѣе передаю-
щимъ жгучесть разочарованія и Софьи, и Чац-
каго. Прибавивъ подъ влияніемъ удивитель-
наго художественнаго чутья не только сцену
заигрыванья Молчалина съ субреткой, но и
очную ставку его съ Софьей, глубоко уязвлен-
ной тѣмъ, что она только что слышала, ав-
торъ сдѣлалъ въ послѣдствіи все это явленіе
однимъ изъ удачнѣйшихъ во всей пьесѣ. Въ
первообразѣ-же, когда Лиза вызываетъ Мол-
чалина на свиданіе къ Софѣѣ, послѣдняя не
успѣваетъ сказать ему:

Какъ я перепугалась,
Мой другъ! Шла давеча съ свѣчей сюда въ
рукахъ,

И что-то двигалось. . . . Мнѣ показалось,
Что Чацкій здѣсь,

какъ взбѣшенный Чацкій бросается между
ними:

Я здѣсь притворщица! Да.

Софья.

Ахъ!

*Лиза роняетъ свѣчу съ испуга. Мол-
чалинъ скрывается къ себѣ въ ком-
нату.*

Чацкій.

И зналъ ужъ разъ, и вѣрить усумнился!
Сходнѣ-бъ, кажется, съвозъ землю провалился!

Софья.

Какая низость! Подстеречь!
Подкрасться — и потомъ, конечно, обезсла-
вить!

Что? Этимъ думали къ себѣ меня привлечь,
И страхомъ, ужасомъ любить себя заста-
вить?—

Отчетомъ я себѣ обязана самой.

Однако, вамъ поступокъ мой

Чѣмъ кажется такъ золь и такъ коварень?

Не лицемѣрила, и права я кругомъ.

Ахъ, Боже мой! Стучь, шумъ! Сюда бѣ-
жить весь домъ!

Вотъ батюшка.

Лиза.

Самъ баринъ!

Позднѣйшая обдѣлка замѣнила эту выход-
ку оскорбленнаго самолюбія лишь двумя сти-
хами, въ которыхъ звучитъ совершенно иная
нота:

Не продолжайте! Я виною себя кругомъ;

Но кто-бы думать могъ, что былъ онъ такъ
коварень?

Дѣйствительно, послѣ разоблаченія Мол-
чалина, прежній тонъ отвѣди Софьи не могъ
уже имѣть мѣста, и она въ смятеніи и неволь-
ной забывчивости, обливаясь слезами, могла
такъ прямо принять всю вину на себя.

Послѣдній вариантъ, сообщаемый Смирнов-
скими матеріалами, не многимъ отличается
отъ приведеннаго уже въ статьѣ г. Родислав-
скаго о неизданныхъ сочиненіяхъ Грибоѣдо-
ва ¹⁾. Разнорѣчіе касается нѣсколькихъ пе-
ріодовъ въ серединѣ послѣдней запальчивой
рѣчи Чацкаго.

А. В.

¹⁾ Русск. Вѣстн. 1873, Сентябрь.